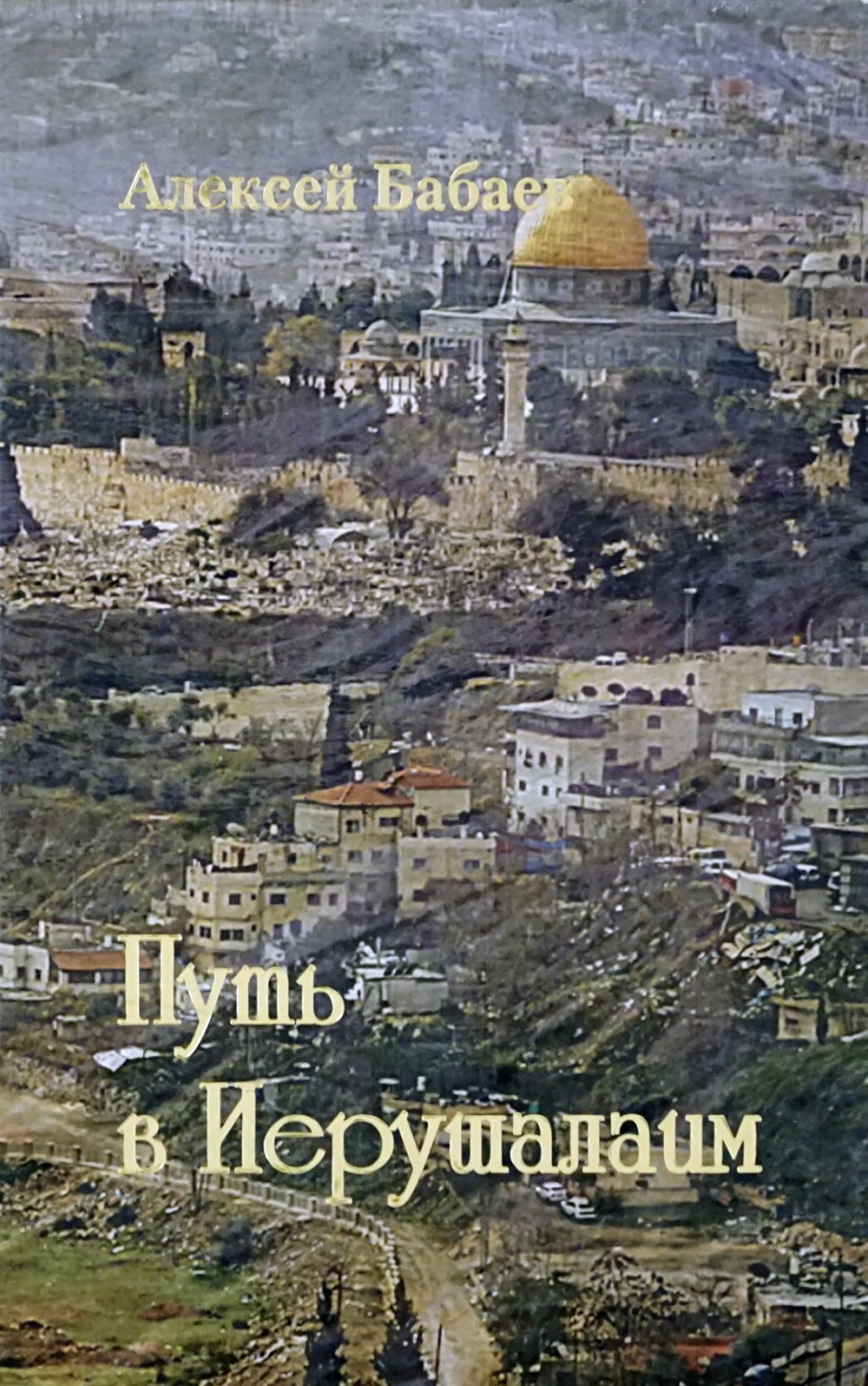

An aerial photograph of Jerusalem, showing the Old City and surrounding areas. The Dome of the Rock is the central focus, with its golden dome shining. The city is built on a hillside, with various buildings and walls visible. The text "Алексей Бабаев" is overlaid in the upper left.

Алексей Бабаев

Путь
в Иерусалим

Алексей Бабаев

Путь в Иерушалаим

**Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2009**

ББК 84Р7
УДК 82-821
Б 12

Б 12 Бабаев А.
Путь в Иерушалаим.
– М.: ИПО «У Никитских ворот», 2009. – 124 с.
(Путь в Иерушалаим)

ISBN 978-5-87449-079-5

© Алексей Бабаев, 2009
© ИПО «У Никитских ворот», 2009

Помню, в детстве у нас во дворе шалунам грозили: «Так и знай, будешь плохо себя вести — в Иерушалаим с собой не возьмем»...

А в юности, когда друзья расставались и не знали, доведется ли когда-нибудь еще свидеться, они желали друг другу на прощание: «В Иерушалаиме встретимся...»

И вот я здесь. На Святой земле.

Если бы двадцать лет назад кто-то мне сказал, что буду жить в Израиле, скорее всего, я счел бы этого человека безумцем.

Почему же все-таки уехал? Попробую объяснить...

Во-первых, климат. Здесь из трехсот шестидесяти пяти дней в году триста — отличные, а остальные шестьдесят пять — ничего. В Москве шестьдесят пять дней тоже ничего, а вот остальные триста — хмурые и пасмурные.

Во-вторых, язык, общение. Скажу сразу: иврит я не понимаю и вряд ли когда-нибудь осилю. Но, с другой стороны, он мне здесь особо и не нужен. Куда ни придешь — всюду слышна русская речь. Наряду с «шалом» и «салам» через каждые три метра говорят: «Привет!»

Да, в Москве у меня дети, внуки, правнуки, родственники, друзья. Но что бы я сейчас делал в Москве, в январе месяце, пусть даже накануне своего восьмидесятилетия? Ходил бы в тулупе из одной квартиры в другую, «шнапс» бы употреблял? Так в Израиле тот же «шнапс». Только пьется он здесь значительно легче...

Еще одна причина — возраст. Не подумайте, я сдаваться ни в коем случае не собираюсь. Да, восемьдесят — цифра солидная, но не стоит судить о человеке по числу набежавших

лет: если полон бодрости и сил, значит, старости не существует. Я много трудился, и оставшиеся годы я хочу подарить себе — и своей мечте об Иерушалаиме.

И еще...

В Дагестане — маленькой республике — тридцать шесть национальностей. Каждый аул — своя народность, и каждый человек гордится своей нацией. А я, сколько жил, все время стеснялся говорить, что я еврей.

Поэтому во всех документах, начиная со школы, у меня было написано не «горский еврей», а «тат». Поэтому и не Бабаев Эрзол Нахамьяевич, а Бабаев Алексей Наумович. Отговорка была — мол, имя-отчество уж слишком тяжело выговариваемое...

В Ташкенте, помню, сидел в кругу больших людей. Они ели плов руками, как у узбеков принято, и только для меня принесли ложку. Один важный деятель — председатель колхоза, дважды Герой Соцтруда — сказал: «Не надо ему ложку. Алексей хоть еврей, но он наш человек».

Если вдуматься, какое оскорбление! Выходит, если ты еврей, то хуже других?!

Здесь, в Израиле, мне скрывать нечего. Не надо никому ничего доказывать. Здесь я такой, какой есть. И в этом я нашел еще одно свое счастье.

О своем долгом пути в Иерушалаим я и хочу рассказать в этой книге...

ПАПИНЫ СКАЗКИ

В детстве я безумно любил слушать рассказы отца. Был он человек мудрый: многое в жизни видел, многое знал. Но больше всего мне нравились его притчи. Запомнил три из них: про злую женщину, про змею и про сапожника.

Про злую женщину

В одном селе жили муж и жена – Абрам и Соня. Соня была очень злая и капризная, Абрам мучился с ней, но переделать жену никак не мог. Подумывал даже уйти из жизни. И вдруг его осенило: а почему я, а не она!? Как-то Соня пошла за водой. Абрам улучил момент, подбежал к колодцу и сбросил в него свою ненавистную жену.

Проходит день, другой. Абрам задумался: все-таки какая никакая, пусть злая и ворчливая, но она моя – надо бы вытащить Соню. Бросил в колодец бечевку, стал дергать – чувствует: что-то тяжелое. Насилу вытянул... И обмер – перед ним показалась девятиглавая змея.

Не на шутку испугался Абрам, хотел было немедленно отпустить бечевку, но змея вдруг заговорила человеческим голосом: «Не бросай меня. Здесь появилась женщина, она просто чудовище, спасу от нее нет. Уж я тебя отблагодарю...»

Вытащил Абрам змею из колодца да побрел домой со спокойной душой – значит, думает, правильно поступил.

Несколько месяцев минуло. И тут до Абрама доходит молва: в отдаленном селе появилась страшная девятиглавая змея: стоит у водооя и заглатывает всех, кто подходит близко. Заторопился Абрам в путь-дорогу, уже через несколько дней добрался до места.

«Куда ты? – предостерегали его селяне. – Она мигом тебя съест!»

Не послушал Абрам добрых советов, пошел к колодцу...

– Что привело тебя сюда? – змея узнала Абрама.

– Пришел просить тебя, чтобы ты убиралась отсюда.

– Твое слово для меня закон, – покорно молвила змея. –

Когда-то ты мне помог, теперь я обязана выполнить твою просьбу. Но только одну, больше не проси...

И уползла восвояси.

Сколько Абраму похвалы было воздано, сколько даров поднесено – не счесть. Зажил он припеваючи, уж и забыл о той змее.

Но проходит время, и к Абраму снова постучались. Он открыл дверь – на пороге стояла толпа насмерть перепуганных стариков.

– Помоги, помоги!.. – они упали ему в ноги.

Потом уж объяснили, что пришли издалека, что теперь уже в их селе завелась проклятушая змея.

– Но поймите, я не могу... – слова Абрама потонули в возгласах толпы.

– Если ты не поедешь, мы сами тебя уьем! – грозно прокричали старики.

Пришлось ехать на верную погибель. И действительно – только Абрам приблизился к змее, гадина злобно на него зашипела: «Я же предупреждала тебя!» Еще секунда, и Абраму было бы не сдобровать...

– Я не собираюсь тебя ни о чем просить, – сказал он. – Пришел предупредить, что из колодца вышла та самая женщина, она ищет тебя...

Не успел Абрам договорить, как испуганная змея бросилась наутек. Больше ее никто не видел...

Про змею

У одного мужика был участок, на котором росла одна лишь трава. Он косил траву, продавал ее соседям – тем и кормил свою семью.

Как-то, после очередного покоса, сел мужик на камень перекусить, достал сверток с едой. Видит – из-под камня выпол-

зает гадюка. Не на шутку испугался мужик. А змея посмотрела на него, отрыгнула монету и скрылась под камнем. Поднял мужик монету с земли и не поверил собственным глазам – в руках он держал настоящий золотой червонец.

В тот же вечер мужик обошел всех своих знакомых, расспросил, чем питаются змеи. Добрые люди подсказали: мацони для гадов – первое лакомство. На следующее утро пришел мужик на свой участок, вылил стакан кислого молока перед отверстием у камня. Гадюка вылизала мацони, отрыгнула еще один червонец и снова уползла. И так случалось каждый божий день...

Мужик разбогател. Решил он однажды сына своего женить. Вечером позвал наследника в новый дом: «Сынок, – он обвел руками свое богатство, – знаешь, откуда все это?» И рассказывал про то, что с ним случилось.

На следующий день мужик уехал в далекие края за приданым к грядущей свадьбе. Сын обещал продолжить дело отца. Но про себя подумал: «Папа не прав. Я прикончу змею и забегу все ее золото».

Утром он наточил топор, налил в стакан мацони и пошел на участок. Только змея стала жадно пить, парень размахнулся, отрубил гадюке хвост... И тут же сам пал замертво, сраженный смертельным укусом змеи.

...Много лет минуло с тех пор, как похоронил мужик своего сына. Решил как-то снова к змее наведаться. Каждый день приходил он на участок, выливал мацони, но гадюка все не показывалась. И лишь однажды она сверкнула пред ним своей блестящей чешуей.

– Годы прошли, – взмолился мужик, – давай забудем все... Змея не дала ему договорить:

– У меня был хвост, и я осталась без хвоста. У тебя был единственный сын – я забрала его. Никогда уже не будет как прежде.

Отрыгнула напоследок червонец и уползла навсегда...

Про сапожника

У одного бедного сапожника был маленький домик в самом центре большого города. С женой и тремя детьми он жил в подвале без окон, а комнаты сдавал. Денег, которые сапож-

ник зарабатывал, ни на что не хватало, но он все равно сидел до поздней ночи, стучал своим молоточком, пел песни и духом не падал.

Однажды квартирант – очень богатый человек – спросил у сапожника:

– Сколько ты зарабатываешь в день?

– Пять рублей, – ответил тот.

– Я буду платить тебе сто рублей в день. И даже заплачу за три года вперед, – предложил богатей. – Одна только просьба: не стучи молотком и песни свои не пой.

О таких деньгах бедный ремесленник даже не мечтал. Естественно, на предложение квартиранта он с радостью согласился. Перестал сапожник песни петь и молоточком своим стучать...

Вот только сон с тех пор он потерял. Ночью ворочается с одного бока на другой, все никак уснуть не может. Встанет с кровати, переложит деньги в другой угол, опять ложится. И так до утра – каждую ночь.

Выбился сапожник из сил, пошел к своему квартиранту:

«Знаешь что, лучше я стучать буду целый день и песни петь, да спокойно спать по ночам. Забери свои деньги...»

НЕ ИМЕЙ СТО РУБЛЕЙ

«Хочешь потерять друга, – часто говорил отец, – дай ему займы». И он знал, о чем говорил...

Однажды приятель попросил у папы в долг. Без лишних расспросов отец полез в шкаф, отсчитал сколько нужно, оставшиеся деньги убрал на место. Мама в то время уже накрывала на стол: друг ведь пришел, как не угостить! Вместе они пообедали, потом сели играть в нарды – время пролетело незаметно. Уже смеркалось, и папа предложил другу остаться переночевать...

Утром родители проснулись – друга нет. Полез отец за деньгами – и свертка на месте не оказалось. Больше отец своего приятеля никогда в жизни не видел...

А был еще другой случай. Как-то сосед одолжил у отца денег, спустя некоторое время папа послал меня к нему за долгом.

«Хорошо, сыночек, – выслушав мою просьбу, ответил тот. – Когда папу твоего встречу, я с ним рассчитаюсь».

Но тем дело и кончилось – сколько бы раз они ни встречались, сосед о деньгах и не вспоминал, а сам отец так и не решился ему напомнить.

Святой человек был мой отец – он никогда не повышал голоса, в жизни словом грубым никого не обидел. И даже свои деньги не мог потребовать, сказать: отдай...

ДРУГИЕ 24 ЧАСА

По правде говоря, о своих предках по бабаевской линии я знаю немного. Мой прадед Боби был раввином, прабабушку, жену его, звали Зульфо. Дед Давид пошел по стопам своего отца, также был раввином, а кроме того, держал несколько торговых домов, которые были раскиданы по всему Дагестану. С бабушкой Ожи у них было семеро детей: Рафоил, Данке, Нахамие, Агав, Диби, Лио и Либо.

Когда дед умер, моему будущему отцу Нахамие было всего пять лет, Агаву – три года, Диби – и того меньше. И тогда вся забота о большом семействе легла на плечи старшего брата Рафоила, который к тому времени был уже женат и сам растил детей. Человек он был добрый и очень предприимчивый, недаром в свое время его выбрали председателем колхоза. Всем братьям и сестрам Рафоил заменил отца, всем сыграл свадьбу, всех в люди вывел...

Дяди Рафоила не стало, когда мне было десять лет, поэтому о молодых его годах знаю лишь понаслышке. Папа, например, рассказывал такую историю.

При магазинах, доставшихся ему в наследство, Рафоил решил открыть пошив одежды. Своего брата Данке отправил в Ростов на курсы закройщиков, сам принялся оборудовать швейные мастерские. Когда Данке вернулся, они начали шить брюки, костюмы, черкески...

По работе Рафоилу часто приходилось ездить в Москву, где он закупал товары для своих магазинов. В Первопрестольной в то время приезжим евреям разрешалось находиться не более двадцати четырех часов. И всякий раз перед поездкой дяде приходилось приобретать фальшивый паспорт, где в графе «национальность» стояло: «дагестанец».

Однажды у дверей московской гостиницы к дяде подошел какой-то кавказец:

– Я знаю, что ты Рафоил Бабаев. Если не дашь денег, я заявлю, что ты еврей.

Абсолютно спокойно дядя выслушал слова незнакомца, назначил ему встречу через три дня. Сам же за это время завершил все свои дела и за день до отъезда прописался в гостинице по своему настоящему паспорту.

В условленное время в номер к Рафоилу постучался кавказец. Дядя встретил его радушно, угостил чем бог послал. Стал было провожать до двери...

– А деньги! – удивился шантажист.

Дядя и бровью не повел:

– За что?

– Как за что! Ты забыл?

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – дядя пожал плечами.

– Я прописан как Рафоил Бабаев, можешь навести справки. Еще вопросы будут?..

СЛЕЗЫ ЛИО

Папина сестра Лио вышла замуж за дербентского миллионера Авадио, который держал акции каспийских рыбных промыслов и имел свой прогулочный пароход. Несколько лет Лио и Авадио прожили в браке, но детей так и не дождались. Лио возили к лучшим врачам и в России, и за границей – все без толку.

Как-то раз Лио поехала в Баку. Вернулась домой она не одна – из Азербайджана привезла своему мужу «молодую жену». В течение двух лет они жили втроем, но вопрос с на-

следником так и не решался. Как-то вечером Лио разговаривала с Авадио, и тот обронил: «Наверное, ты мою молодую жену сглазила. Может, нам с ней на время уехать? Или, может, тебе?..»

О том разговоре Лио сообщила моему отцу, и этого было достаточно, чтобы уже на следующий день папа приехал в Дербент и увез свою сестру домой.

В Махачкале в ту пору жила большая и очень известная семья Израиловых, которая владела несколькими торговыми домами, а также едва ли не всеми виноградниками в Дагестане. Один из братьев Израиловых, Захар, был женат на дочери дяди Рафоила – Томор, с четырьмя детьми они проживали в большом собственном доме, в котором впоследствии, кстати, был открыт музей Шамиля. К сожалению, Томор не отличалась крепким здоровьем, часто болела и ушла из жизни совсем молодой. Тогда тетя Лио – а она еще была хороша собой – решила заменить сиротам мать. Ради своих племянников Лио вышла замуж за Захара Израилова.

В начале двадцатых в Дагестан пришла советская власть. Частная собственность была национализирована. Израилковы не избежали этой горькой участи: у них отобрали виноградники и торговые дома. А всех братьев, в том числе и Захара, арестовали.

Во время обыска внимание чекистов привлекла фотография, на которой Лио красовалась в ожерелье из восьми талеров. Золотых монет в доме не обнаружили, Лио вызвали в ЧК. Там сказали, что выпустят ее мужа лишь при одном условии – если она добровольно сдаст талеры. На следующий день Лио отнесла ожерелье комитетчикам, Захара освободили. Но жить им все равно не суждено было вместе – испугавшись, что могут посадить снова, прямо из тюрьмы, даже не заходя домой, Израилов уехал в Москву.

Так Лио осталась одна с четырьмя детьми. Вскоре их выселили из дома. Лио не смогла вынести всех лишений, свалившихся на ее долю, стала часто болеть. Несколько раз отец отправлял ее на лечение в Нальчик, но все безуспешно. Улучшения так и не последовало...

ЖЕНУ УКРАДУТ – ПОЛБЕДЫ...

Моя мама родилась в 1905 году, в Дербенте, в большой и зажиточной семье Ханукаевых. В год от роду, согласно нашим обычаям, ее засватали – в женихи достался наследник одной из богатейших семей города. До одиннадцати лет маму одевали и обували исключительно будущие родственники, каждый шаббат на дорогих подносах они приносили ей фрукты и сладости...

Однако в 1916 году мама снова стала невестой на выданье – вошедшие в Дербент турки перерезали всю семью нареченного ей жениха.

Тогда папина сестра Лио, которая в ту пору жила в Дербенте, написала родным в Темерхан-Шуру: дескать, есть хорошая девочка, пусть брат Нахамие приедет посмотрит на нее. Когда папе показали ту девочку, она беззаботно играла с подружками в лапту. Однако уже на следующий год состоялось сватовство.

А вскоре после свадьбы родители переехали в Махачкалу. Папа снял квартиру, на деньги, которые ему выдал старший брат, арендовал помещение и открыл собственный магазин. Когда отец уезжал за товаром, мать за прилавком оставалась одна. Все окрестные торговцы удивлялись: «Хаво такая маленькая, а как управляетесь в большом магазине! У нее очередь без конца!»

– Нахамие, ты не боишься оставлять Хаво одну? – как-то спросил отца его друг Шими. – Она у тебя такая красивая, могут ведь украсть.

– Да украдут полбеда, – засмеялся папа. – Но что я буду делать, когда ее вернут?

Сколько отца помню, он все время шутил...

За год отец с матерью очень хорошо заработали, стали расширять торговлю. Папа нанял двух продавцов, при магазине открыл еще и мастерскую по пошиву одежды. За товаром приходилось ездить все чаще...

Дело было в Баку. На вокзале приезжим предлагали ночлег – отца и еще троих мужчин отвели в какой-то заброшенный двор. Был поздний час, сквозь темноту и заросли деревьев едва проглядывался дом, куда уводили странников по одному на ночевку. Отец дожидался своей очереди, когда заметил женщину, убиравшую во дворе. Вид у нее был очень истощенный. Он окликнул ее, они разговорились.

– Мне завтра рано вставать, все равно есть не буду, возьми себе, – отец протянул ей сверток с едой, в те голодные годы любые продукты были на вес золота.

Женщина поблагодарила и ушла. Однако через несколько минут появилась вновь. Быстрым шагом она прошла мимо отца и поманила его пальцем к калитке.

– Это место не для тебя, – прошептала женщина, – скорее уходи!

Папа не стал испытывать судьбу, ушел со двора. Вскоре он узнал, что люди, остававшиеся здесь на ночлег, домой не возвращались. Их грабили и убивали...

МЕНЯЮ ДЕВОЧКУ НА МАЛЬЧИКА!

Когда в Дагестане провозгласили советскую власть, отец перестал заниматься торговлей. В Махачкале тогда объединили несколько швейных мастерских и на их базе организовали первую в Дагестане артель, которую называли «Красный Октябрь». Председателем выбрали женщину-дагестанку по имени Ася. Мой отец стал заведующим производством. Председатели впоследствии менялись часто, папа же проработал на своей должности до 1951 года. Спустя годы тогдашний начальник Дагпромсовета – Бултанова написала книгу о промысловой кооперации Дагестана, где подчеркивала большую роль Нахмие Бабаева в создании первой артели в республике...

Так получилось, что у отца с матерью долго не было детей. То есть дети рождались, но проходило всего несколько месяцев, и все они уходили в мир иной.

Отец рассказывал, как в 1921 году вместе с Рафоилом и его другом они отправились в Иран за товаром. В одном из магазинов папа попросил показать ему куклу, сказав, что купит ее дочке. Рафоил прошептал на ухо товарищу: «Я бы высказал ему, как себя вести при старших... Нахамие еще не знает, что его девочка умерла, я не стал ему говорить перед дорогой...»

Согласно нашим обычаям, если в семье дети не выживали, новорожденного относили к мусорному баку, вроде как оставляя его там. Затем ребенка подбирали родственники, выкармливали его, выхаживали. И через несколько месяцев возвращали законным родителям. Как ни странно, древний обычай помог. Мою старшую сестру Эстер до года воспитывали родственники: она жила в чужом доме, носила чужую одежду, ела чужую пищу. И выросла здоровой...

...Рано утром 25 июня 1934 года маму в очередной раз отвезли в роддом. В обед папа привез ей сверток с продуктами, приготовленный домработницей Ксенией, назвал дежурной фамилию.

– Поздравляю вас, – та посмотрела в книгу регистраций, – Бабаева девочку родила.

Счастливый отец передал сверток и отправился на работу.

– Как Хаво себя чувствует? – едва отец переступил порог артели, его засыпали вопросами.

– Можете поздравить, – гордо объявил он. – Дочку родила!

После работы, понятное дело, отметили это радостное событие...

На следующее утро, еще до работы, папа понес маме завтрак. И вдруг в приемном отделении появляется она сама. Как ни странно – с огромным животом...

– Как! – удивился отец. – Мне вчера сказали, что ты родила!

Оказалось, родила другая Бабаева, дагестанка. Столько смеху было!..

На работе он собрал вокруг себя сослуживцев и огорошил заявлением: «Я ходил в роддом и подал жалобу – сказал, что девочка мне не нужна!» Все дружно посмеялись. Но к концу рабочего дня отцу позвонили из роддома и действительно поздравили с сыном.

Снова в своем кабинете папа накрыл стол, собрал коллег. И торжественно объявил, что жалобу его учли, заменили девочку на мальчика. Конечно, отцу никто не поверил: все выпили за здоровье новорожденного и разошлись по домам.

На следующий день Ася, председатель артели, спрашивает:

– Нахамие, что вы так смеялись вчера, за что все-таки пили?

– Нет, я серьезно говорю. Мне поменяли девочку на мальчика. Уже и имя дали – Александр Наумович.

– Наум, перестань шутить, – отмахнулась Ася.

Тогда папа набрал номер роддома, попросил дежурную позвать жену и передал трубку Асе. Выслушав новость, потрясенная женщина громко сказала отцу: «Клянусь аллахом, ты очень счастливый человек».

И поцеловала его...

УЛИЦА ИМЕНИ ДЯДИ ИХИИЛА

Наша семья жила в Махачкале на улице Оскарова. Дом с фасада был одноэтажный, а во дворе располагалось сразу несколько строений, одно из которых снимали мои родители. Жили мы в трех комнатах. Еще в одной поселилась наша домработница Ксения, которая приехала с Украины на заработки.

Во дворе, под большим навесом, стоял сбитый из досок длинный стол, за ним часто собирались как одна семья все жильцы нашего дома. Квартыры на ночь не запирались, окна сутки напролет у всех были открыты. У нас не было такого: это – мое, а это – твое. Все всегда было общее...

...Дома было хорошо. Но и в детском саду, куда я стал ходить, мне тоже очень нравилось. Больше всего на свете я любил манную кашу. У нас дома в то время ее не готовили, да и в садике давали далеко не каждый день. Когда приходил на завтрак и на столе стояла манка, я заранее поднимал руку за добавкой, быстро кушал и бежал за новой порцией. Но бывало, что воспитательница, заметив мою руку, назидательным тоном говорила: «Бабаев, сегодня добавки не будет». Тогда я с удовольствием растягивал свою порцию...

Как-то раз я выходил из садика, и меня сбила машина. Во всем Дагестане тогда автомобилей насчитывалось не больше десятка, и надо же было такому случиться, что на один из них нарвался я. На машине, которая принадлежала, к слову, председателю горсовета, меня отвезли в больницу, тут же медсестра позвонила отцу на работу. Но когда папа, запыхавшийся и встревоженный, примчался ко мне в палату, я уже пришел в себя. Помню, сижу смотрю на него, улыбаюсь...

В 1937 году мама отвела меня в школу, а после окончания первого класса отправила в пионерский лагерь. Я тогда сильно обижался на своих родителей: всех знакомых ребят навещали, и только ко мне так никто ни разу и не приехал. Когда смена кончилась и отец приехал забирать меня из лагеря, я высказал ему свою обиду. И тогда он рассказал, какое у нас произошло горе. Посадили дядю Ихиила...

Известный революционер Ихиил Мататов был мужем маминой старшей сестры Сусанны. Он участвовал в Первой мировой войне и в революционном штурме Зимнего дворца. В 1921 году Ихиил был избран на X съезд РКП(б) с правом решающего голоса. Работал он прокурором республики и народным комиссаром юстиции ДАССР. Избирался секретарем Президиума Верховного Совета Дагестана. Более 14 лет избирался в состав высшего органа власти Дагестана. Дядю Ихиила уже собирались переводить в Москву, но Сусанна заупрямилась, наотрез отказавшись ехать в столицу. Дело доходило чуть ли не до развода... В общем, так они и остались в Махачкале. Жили с четырьмя детьми в обкомовском доме на Набережной, в квартире из семи комнат: с центральным отоплением, с двумя балконами...

А потом Ихиила посадили. Дядю обвинили в том, будто в своей анкете он скрыл, что имеет частный дом. Которого, к слову, у него и в помине не было. Ихиилу дали семь лет, отправили в колонию для отбывания срока. А семью его выселили из квартиры...

...Дома атмосфера была страшная. После ареста Ихиила мой отец привез Сусанну и детей к нам домой, они поселились в комнате Ксении. Меня же отправили к бабушке в Буйнакск.

Лишь через несколько лет мы узнали, что дядю оговорили. Реабилитировали его во время войны. Добраться домой в ту пору не было никакой возможности, дядя остался в колонии, работал в лагерной администрации...

А в 1943 году мы получили извещение, в котором говорилось, что после продолжительной болезни Ихиил Мататов скончался.

Теперь имя Мататова носит одна из улиц Махачкалы – столицы Дагестана и улица его родного Дербента. На доме, где жил дядя Ихиил, установлена мемориальная доска.

ПИРОЖНЫЕ ПОД СТОЛОМ

Перед тем как уйти на прогулку или в кино, мама с папой всегда нам, детям, говорили: «Кто будет хорошо вести себя и слушать Ксению, тот получит пирожное».

Как-то раз они ушли, я взял деньги, которые у меня скопились, и мы с братом пошли в город...

Надо сказать, у нас с Аликом деньги водились всегда. Когда мама возвращалась с рынка, мелкие монетки она оставляла в серванте на стопке тарелок. Нижней тарелкой я эти денежки накрывал, через несколько дней гляну – если их нет, значит не мои. А если так и оставались лежать, тогда я считал, что они «поспели», и забирал себе...

Так вот: зашли мы с Аликом в кафе, попросили два мороженных и два пирожных, сели за освободившийся столик. Только принялись за лакомства, откуда ни возьмись – отец с матерью.

– Прячься скорее! – я схватил Алика и утащил его под стол.

Сидим смотрим из-под длинной скатерти: ноги подошли к прилавку, постояли какое-то время и направились к выходу. Уф-ф-ф, думаю, пронесло. Оказалось, рано радовались – когда мы с Аликом вылезли из-под стола, наших сладостей уже не было и в помине. Скорее всего, официантка подумала, что посетители ушли, вот и убрала все.

– Побежали домой, – я взял брата за руку. – Здесь нам ничего не досталось: если не придем раньше родителей, дома тоже останемся без пирожных.

Едва прибежали – я сразу к Ксении: «Если скажешь, – говорю, – что мы уходили, ты от меня получишь. Сделаю так, что тебе тесно будет в этой квартире!»

Признаться честно, она меня побаивалась – я в детстве шепутной был, балованный, вот и превышал немного свои полномочия. Чуть что – грозил ей: если расскажешь отцу, буду вести себя еще хуже. Честно сказать, мы, все дети, очень любили Ксению. Она была для нас как вторая мама. Да и сама Ксения души в нас не чаяла и позволяла нам буквально все.

Когда родители вернулись, Ксения отрапортовала как надо: «Дети вели себя хорошо. А Алеша мне даже помогал, игрался с детьми». И мы получили свои законные пирожные...

А однажды, помню, не дождавшись папиных гостинцев, я лег спать. Проснулся же от непонятного шума, который доносялся из столовой.

Любопытство взяло вверх, я встал с постели. Смотрю: мама достает из шкафа бутылку с рюмками, готовит легкую закуску. Папа же, увидев меня, протянул мне мое любимое заварное пирожное и заговорщицки подмигнул: «Пойдем с нами, поможем». Он взял патефон, мама – поднос с выпивкой и закуской. И мы пошли.

Открыли дверь в спальню соседа Атниила, на цыпочках тихонько подошли к кровати. И тут отец на полную громкость врубил патефон! Атниил и его жена вскочили как по тревоге. Мама тут же протянула им рюмки, я в это время держал закуску. Смеху было!

И такую штуку мы проделали в каждой комнате соседей. Часа не прошло, как все взрослые сидели во дворе под навесом: с музыкой, с песнями...

КРЕПКИЕ ОРЕШКИ

В 1939 году родители купили собственный дом на улице Ермошкина.

При артели была касса взаимопомощи, и папа оформил кредит на себя и своего закройщика Рашми Гереева. Весь дом,

хоть и была такая возможность, отец покупать не захотел – в то время сразу бы возникли вопросы, откуда деньги. А так весь полученный кредит он отдал своему закройщику, у того с деньгами было туго.

В 1941 году Гереева призвали на фронт, за четыре года отец всю задолженность по дому погасил.

Дом наш был довольно просторный, состоял из девяти комнат. Правда, в пяти из них проживали квартиранты. Две занимал директор дагестанской филармонии, еще две арендовала семья с фабрики Третьего интернационала, в одной поселился профессор махачкалинского пединститута.

В следующих двух комнатах проживала семья Рашми. А крайние две, ближе к воротам, заняли мы. Позже отец принялся переделывать наше жилище: пристроил веранду, потом еще одно отдельное строение – для столовой и кухни. В новый дом мы переехали в сентябре. Во дворе сразу же посадили деревья, в том числе и ореховые.

Однажды папа собрал своих сослуживцев и объявил: «Кому нужны орехи, берите мешки и после работы приходите ко мне домой». Вечером трое из них стояли у порога.

– Нахамие, куда им идти за орехами? – мама не поняла в чем дело.

– Ты накрывай на стол, – добродушно улыбнулся отец, – я им сейчас все объясню.

– Дорогие мои! – обратился папа к гостям. – Во дворе шесть ореховых деревьев. Стойте с мешками под ними: что будет падать – все ваше.

В общем, посмеялись от души и сели за стол.

ТАКОЙ УЖ ХАРАКТЕР

Как-то мать послала меня в магазин за сахаром. Деньги дала под расчет, мне оставалось только подойти к прилавку и попросить двести граммов сахарного песка. Так я, в общем-то, и сделал. Продавщица отмерила двести граммов, я расплатился.

Дома мать забрала у меня кулек, высыпала содержимое в кастрюлю – она как раз только что тыкву сварила. Когда вся семья собралась за столом, мама сняла крышку... и ахнула – тыква была покрыта толстым слоем манной каши. С сахарным песком, так понимаю, эта крупа была в одну цену, и, наверное, увидев на прилавке свою любимую манку, я и сам не заметил, как попросил ее вместо песка...

Другой случай. Однажды я вернулся из школы, когда мамы дома еще не было. Пришел я голодный – дай, думаю, себе картошечки пожарю. Зажег примус, поставил сковородку, налил туда масло. Только сковородка чуть подогрелась, масло стало пениться. Выключаю огонь – масло как масло. Опять зажигаю – снова бурлит. И так несколько раз. Потом уж бросил – ну, думаю, его к чертям! Мать приходит, ей жалуюсь. «Да ты что, сыночек, – говорит. – Это же машинное масло!»

Как ни странно, мама меня не обругала. Нас вообще не наказывали. Хотя иной раз и было за что...

В школе, помню, девочка из соседнего класса говорит: «Сегодня ваш класс заниматься не будет – учительница заболела». Ну, сказала и сказала – вместе с другими ребятами мы решили провести больную учительницу...

На следующий день нас вызывают к директору: «Почему вчера ушли из школы?»

Оказывается, классы объединили, занятия все-таки состоялись, а мы вроде как оказались прогульщиками. Я объясняю: так, мол, и так, нам сказали, что занятий не будет, что учительница заболела, мы пошли к ней домой... И вытаскиваю из толпы эту девочку.

– Я не так сказала! – кричит.

Ну, я ее и ударил – несправедливость с детства не терплю. Тут же, конечно, папу вызвали в школу.

Вечером возвращаюсь домой – от родителей ни полслова. Меня бы отругать как следует – все-таки девочку ударил, нехорошо... Но наказания так и не последовало. Больше того! Отец еще и костюмчик мне новый купил. Всегда потом корил его за это, говорил: мне надо было по шее дать, так я бы вел себя лучше...

А вот еще эпизод. Дома родителей не было, мою старшую сестру Фиру оставили за старшую – наливает мне первое. Но как! Берет со стола грязную тарелку – с остатками недоеден-

ного супа даже! – добавляет туда из кастрюли и протягивает мне. Ничего ей не сказал: отодвинул от себя тарелку, пошел за чистой. Смотрю: Фира так же молча берет первую тарелку, выливает из нее суп, моет как следует и наливает себе. Вот этого я уже стерпеть не мог. Опрокинул ее тарелку: «Ах, значит, себе можно было поменять, а мне нет?!»

Ну, такой характер. И, самое главное, все это сходило мне с рук: родители нас не то что не наказывали – не ругали даже.

«...ГЕРМАНИЯ ВЕРОЛОМНО НАПАЛА...»

В 1940 году папу отправили в Киев на шестимесячные курсы повышения квалификации. Не успел он еще вернуться домой, когда маму в очередной раз забрали в роддом. Мы со старшей сестрой как могли о ней заботились: каждый день ходили в больницу, носили ей обеды. И тринадцатого июля в нашей семье появился пятый ребенок. Девочка. Назвали Марьям – Мила.

Вскоре приехал папа, привез всем подарки и красивую хрустальную люстру.

Однажды он сказал маме: «На Украине в открытую говорят, что войны не избежать...»

22 июня 1941 года... Как сейчас помню: на центральной площади в девять утра собрался едва ли не весь город. Слушали выступление Молотова. Металлический голос из динамика вещал: «...Германия вероломно напала...»

По правде сказать, всерьез тогда эти слова я не воспринял. Ну что там – двенадцатилетний мальчишка, сам в войну играл во дворе постоянно. Но осенью я в школу уже не пошел...

Не было в Махачкале улицы, где бы не стояли противотанковые ежи, все готовились к обороне. В сорок третьем мне и самому приходилось копать траншеи. Несколько раз наш город подвергался налетам, объявляли воздушную тревогу.

«ТЫ НЕ ТАКОЙ УМНЫЙ, НО ТЫ СЧАСТЛИВЫЙ»

В сорок первом мы всей семьей переехали в Дербент. Моя старшая сестра Фира устроилась там на виноградник приемщицей. В конце дня каждому работнику она выписывала пропуск, по которому тот мог унести с собой три килограмма винограда. Но ни в коем случае не больше – это категорически запрещалось.

Как-то соседские ребята уговорили меня провести их в виноградник, и мы пошли к сестре. Выходили с территории уже на полусогнутых – у парней в руках было по два ведра винограда, за спинами – тяжеленные рюкзаки. Ну, и я взял сито с виноградом. Время было тяжелое, и любая еда в доме была не лишней.

Брать бумажку у сестры не имело смысла – у каждого из моих друзей было килограммов по двадцать пять винограда, и мы решили уйти незамеченными.

Взмокшие от тяжести, на полпути мы остановились передохнуть, ребята поставили ведра на землю. Я сито положить не мог – виноград помялся бы. Смотрю: метрах в пятнадцати камень огромный. Я отошел, присел на него, сито свое в руках держу – все как-то легче. И в этот момент перед моими сообщниками как из-под земли выросли два вооруженных охранника.

Вспомнил тогда папины слова: «Ту кукмэ оборагулменд нисти, ту мазаллуни» – «ты не такой умный, но ты счастливый». Сел бы с ребятами рядом – уже бы никуда не делся. А так – посмотрел по сторонам, вижу: по проселочной дороге солдат на тачанке едет. Подбежал к нему: «Подвези, я тебя виноградом угощу». Он согласился, и мы поехали.

Утром я узнал, что моих друзей забрали, посадили в бомбоубежище. И только на следующее утро с большим трудом их удалось оттуда вытащить. В то время за подобный проступок ведь и в тюрьму упечь могли...

«СЛАДКАЯ» ЖИЗНЬ

Работать я начал в двенадцать лет.

Отец – а ему, как специалисту, дали бронь – работал в две смены: после восьми часов в артели «Красный Октябрь» он шел в здание филармонии, где размещалась эвакуированная из Ростова швейная фабрика, еще несколько часов трудился там. И иной раз брал меня с собой, чтобы дома, как говорится, не сидел без дела. Бывало, приходили с отцом на фабрику часов в семь вечера, а в десять-одиннадцать только возвращались домой.

А в конце 1941 года мамин брат Рома забрал меня с собой в Хасавюрт. Вот там и началась по-настоящему моя трудовая деятельность.

Вообще Рома жил в Москве, на Краснопрудной улице. Когда началась война, он ушел на фронт. Но уже в сентябре сорок первого по состоянию здоровья его из части комиссовали – дядя страдал пороком сердца. Тогда со своей женой Таней они приехали в Махачкалу. А уже через неделю в Хасавюрте на местном консервном заводе дяде Роме предложили должность начальника снабжения.

Консервная промышленность Дагестана была очень развита. Но холодильников в ту пору еще не было, продукты охлаждали льдом из речки. Зимой лед пилили, получившиеся брикеты укладывали в специально вырытые длинные траншеи-бурты, сверху накрывали соломой, после чего все засыпали землей. И первая моя работа заключалась в том, что на подводе я возил лед с речки, а потом выдавал его в цеха.

Работал и в заводской столовой, и в магазине: сначала занимался переборкой овощей и фруктов, чуть позже – отоваривал продуктовые карточки. Каждому работнику в месяц положено было по четыреста граммов сахара – вот целый день кульки эти и завешивал; бывало, по пятьдесят-шестьдесят за смену. Причем ошибиться нельзя было и на грамм – сахар в то время был на вес золота.

В тринадцать лет, когда уже немного пообтесался, я сам стал торговать в магазине. Когда костями бараньими – три килограмма в руки была норма, а когда черешней – если ее не успевали переработать для консервации. Никакой кассы не было, вечером все деньги я складывал купюру к купюре и вручал их тете Тане, которая работала на консервном заводе бухгалтером.

ХОЛОДНАЯ ЗИМА 1943-го

В конце 1942 года Рома серьезно заболел, и мы вернулись в Махачкалу. Отец определил меня в артель учеником портного. Дядю Рому тем временем положили в больницу.

Стояла жуткая промозглая зима, папа решил установить в палате у дяди Ромы пару электропечек для дополнительного обогрева. Однако в один из дней февральская метель повредила электропровода, и больница на всю ночь осталась без света. Утром сильно простывшего дядю Рому папа забрал домой, круглые сутки возле его постели дежурила медсестра...

Через несколько дней дяде стало лучше. Вечером он отпустил медсестру на ночь, сам сел с папой играть в нарды. Они шутили, громко смеялись, мама налила им чай.

Совершенно внезапно Роман почувствовал себя хуже, начал сильно потеть. Мама сменила ему одну рубашку, другую. Потом уж решили «скорую» вызвать...

Врач пробыл в комнате дяди Ромы совсем недолго. Через несколько минут он вышел со словами: «У него оторвался клапан. Он мертв»...

...Однако несмотря ни на что жизнь шла своим чередом. В сорок четвертом я поступил в вечернюю школу, вскоре меня перевели из учеников в мастера верхней одежды. А в феврале сорок пятого даже ученика дали – Абрамова Захара.

Зарплата в ту пору была маленькая – булка хлеба, наверное, стоила как вся моя месячная получка. Но Захар, как выяснилось, имел определенную склонность к торговле. Он частенько ходил на рынок, покупал военные брюки – теплые, на

подкладке из искусственного меха. Из этого меха мы шили шапки-ушанки, Захар на рынке их продавал. И деньги были.

ГДЕ МОИ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

У меня было три лучших друга: Гриша Ханукаев, Алик Гиллов и Ханукаев Абрам – мой двоюродный брат.

Вместе мы встречали Новый 1945-й год. С нами была и моя девушка Женя...

Со временем я стал реже с ней встречаться, но Женя всегда меня ждала и была очень рада, когда я кого-то за ней посылал. Однажды вечером мы с Гришей пришли на танцплощадку. Смотрим: Женя сидит в компании подружек.

– Как ты мог потерять такую девочку? – задумчиво спросил меня Гриша.

– С чего ты решил, что я ее потерял? – удивился я.

– Да чего ты хвастаешься? Вот позови ее гулять – она с тобой не пойдет.

– Гриша, она мне сейчас не нужна, – пробурчал я в ответ.

– Просто знаешь, что не пойдет, поэтому и не хочешь позвать...

Не скажу, что слова его меня задели, просто решил пойти на принцип.

«Женя, здравствуй, – когда мы подошли, ее глаза засветились радостью. – Пойдем погуляем...»

Втроем мы пошли в парк, потом решили искупаться – перешли железную дорогу, за которой находился городской пляж. Я стал раздеваться, Женя тоже. Один Гриша оставался одетым.

– Ты знаешь, – он отозвал меня в сторонку, – мне неудобно. Гриша был парень очень стеснительный.

– Не валяй дурака, – говорю, – Женя тебя не укусит.

Еле уговорил приятеля: втроем мы вошли в море, поплыли. Еще в воде я увидел, как на пляже мелькнула чья-то тень...

– Гриша! – закричал я. – Быстрее на берег!

Предчувствие не обмануло – мои брюки с пляжа как ветром сдуло.

Я попросил Гришу сбежать домой и принести хоть какие-то штаны. Ждать пришлось недолго – вскоре мой друг вернулся, однако всего на минуточку – спешно попрощался и ушел. А мы с Женей остались на пляже до утра...

Утром я проводил девушку домой, а затем отправился к брату Абраму, чтобы предупредить: мол, ночевал у них. Только подхожу к двери, брат выскакивает: «Ты где был? Отец всю ночь не спал, искал тебя повсюду».

Ну, думаю, влип. Уже приготовился к тому, что неприятного разговора не избежать. Дома, конечно, начал что-то врать: про то, что был в кино, что после фильма патруль забрал меня в комендатуру. Для своих пятнадцати лет я рослый был, вот, мол, они и решили, что призывник. А отпустили только утром, когда пришел комендант...

Однако, на мое удивление, никаких вопросов не последовало – дома на меня набросились с поцелуями, будто я от смерти лютой спасся. Потом все сели за стол, стали праздновать, что я живой и что вернулся домой...

ТЕАТР ОДНОЙ АКТРИСЫ

Я всегда говорил и говорить буду: все мамы хорошие, но моя мама лучше всех. И тут же добавлял: она два поколения детей воспитала: своих пять и моих четыре.

Обычно я рано уезжал на службу. Но во сколько бы ни вставал, мама была уже на ногах – всегда заставлял ее за работой на кухне или дома по хозяйству.

Однажды, помню, позвонил мне зав. кафедрой Игольченко из Краснодара.

– Алексей, я собираюсь в Трусковец. Не желаешь составить компанию, у меня две путевки?

– Михаил, – говорю, – это маме подходит, если ты не против, ее отправлю.

– О чем разговор! – он обрадовался. – С Хаво Моисеевной скучно не будет.

Проводил мать, а через неделю решил их навестить. Причем о своем визите не извещал. Приезжаю к вечеру в санаторий, захожу в номер. Ба!.. На полу сидят девушки молодые, орехи бьют.

– Мама, – говорю, – это что такое, им же гулять надо.

– Ничего, сыночек, они еще успеют, я их к хозяйству приучаю.

На следующий день мы с Михаилом решили ехать во Львов – военные годы связывали его с этим городом. Предложил и маме составить нам компанию. Она согласилась: «И девочек, – говорит, – возьмем с собой. Ты же сказал, им гулять надо».

...Отец рассказывал, что в двадцать шестом году, когда справлял свадьбу племянника, мама вдруг удивила всех. Переоделась в мужское платье, перекрасилась и стала выводить женщин танцевать. Сама лезгинку до того лихо отплясывала – никто даже подумать не мог, что это она.

Такие у нее были актерские способности. А кулинарные какие – готовила так, что пальчики оближешь! Просто исключительно!

Помню, дядя Рома выговаривал своей жене: «Смотри, Таня, как тетя Хаво готовит, учись». – «Конечно, – усмехнулась та, – столько масла кладет...» – «Да я тебе, – говорит Рома, – баллон масла дам, ты так мясо не приготовишь!»

Люди специально приходили к нам в гости, чтобы попробовать мамину кухню. «Хаво Моисеевна, – говорили они, – так курицу готовит, как никто другой». И подобных фирменных блюд у нее было в избытке, наши в основном, кавказские: долма, сладкий плов, жаркое, чуду, нормов, тара, курзэ – всего и не перечислишь. Соленья, варенья у нее получались – просто что-то особенное.

На рынке мать часами могла выбирать огурцы: у кого три килограмма возьмет, у кого два – каждый огурчик осматривала, ощупывала. Всякий раз с собой на рынок брала кого-то из детей: поставит в сторонке, сама неспешным шагом направляется по рядам. Сумку наберет, положит возле ребенка – и дальше пойдет выбирать. Глядя на нее, соседи приговаривали: «Бабушка Хаво пошла в театр». Рынок и был для нее своеобразным театром.

БЕЗ МЕНЯ МЕНЯ ЖЕНИЛИ

В 1945 году моя двоюродная сестра Тося как-то в поезде познакомилась с одним парнем. Он только демобилизовался и возвращался домой в Махачкалу. Звали парня Даниил Абрамов. Вскоре они сыграли свадьбу...

Вот уж, что называется, мир тесен. Брат того Абрамова – Захар – был моим учеником. Сестра его Аня работала вместе с моим отцом в артели «Красный Октябрь», она была старшим бухгалтером. А младшая их – Таня – училась со мной в вечерней школе.

...Как-то помогаю тете Сусанне (жене дяди Ихиила) на огороде, и вдруг ни с того ни с сего она поздравляет меня с женитьбой. По правде говоря, я ничего не понял, спросил ее: с какой такой женитьбой? И тогда тетя огорошила меня известием: оказывается, завтра мои родители пойдут Таню, сестру Даниила, за меня сватать.

Новость прозвучала для меня как гром среди ясного неба. Бросил в сердцах лопату, побежал домой.

– Что за сватовство? – спрашиваю у мамы. – Это правда – то, что тетя Сусанна сказала?

– Да, – она опустила глаза, – правда.

– Вы что, с ума спятили?! – Первый раз я позволил себе с матерью так разговаривать.

– С отцом говори, – мама махнула рукой, – ты же знаешь, я не могу ничего сделать...

А отцу я не мог и слова поперек сказать, у нас не принято было возражать старшему, его слово – закон.

Папа рассказывал, как когда-то друг пригласил его на свадьбу. Всю неделю отец готовился к торжеству, однако за день до назначенной даты старший брат Данке сказал: «Сегодня работаем допоздна, и завтра тоже». Конечно, отец никуда не поехал. Он не имел права заикнуться даже, что его ждут на свадьбе...

Так и мне пришлось промолчать. Уже на следующий день родители пошли к Тане, надели ей кольцо, платок. И все – вроде как засватанная...

В МОСКВУ!

В октябре сорок шестого в Дагпромсовет пришла разнарядка: направить на учебу в Москву двух закройщиков легкого платья и одного закройщика верхней одежды со стажем не менее двух лет. Одно место дали Дербенту, второе – Буйнакску, третье – Махачкале.

Хоть я закройщиком еще не был, но папа постарался сделать все, чтобы меня отправили, и уже через несколько дней я собирался в Москву. Купил несколько пачек «Казбека», хоть и не курил тогда, мама напекла в дорогу всякой всячины...

Перед отъездом зашел попрощаться к завучу школы. Захожу – в кабинете у нее сидит какой-то генерал, вся грудь в орденах.

– Познакомься, это мой брат. А это, – она представила меня, – мой ученик.

– Вообще-то, я зашел попрощаться, завтра еду на учебу в Москву.

– Какое совпадение! – оживился генерал. – Я завтра тоже еду в Москву, возвращаюсь на службу.

Слово за слово – договорились на вокзале встретиться.

Две женщины-закройщицы, которые ехали со мной на учебу, сильно опоздали, я ждал их до последнего. В итоге мы едва успели вскочить на подножку вагона, и поезд тронулся. Мы с дамочками заняли свои сидячие места. А где-то через час генерал вместе с начальником поезда решил пройтись по вагонам, таким образом он попал к нам.

– Так, – сразу распорядился мой новый знакомый, – быстро собирайте вещи, пойдем ко мне.

Долго нас уговаривать не пришлось.

У генерала оказалось закрытое четырехместное купе, причем ехал он там совершенно один, так что все мы замечательно разместились.

До Москвы нам предстояло добираться в два этапа: выйти в Ростове, перекомпостировать билеты и пересест в другой поезд, который уже ехал прямо до столицы. Генерал пообещал, что во время пересадки без проблем возьмет купе и на нашу долю.

– Это не Махачкала и не Минводы, где формируются поезда, – начальник поезда покачал головой в ответ. – В Ростове будут проблемы с билетами.

Генерал и бровью не повел, словно и не слышал этих слов. К тому времени он уже прилично выпил и вскоре завалился спать. А мы с начальником поезда продолжили трапезу.

– Сынок, – сказал он мне, – ты его не слушай. Генерал-то себе билет возьмет и уедет, а вы не одну неделю проторчите в Ростове. Мой тебе совет – сходи в Минводах.

Так я и решил поступить.

На вокзале народу было – не протолкнуться. Стал наводить справки по поводу отъезда – все в один голос уверяют, что очереди нет конца и края, люди месяцами ждут отправки, ночуют на вокзале.

Пробовал было пробиться к кассам, да какое там! У входа народ толпится – за десять метров не подойдешь. Выход караулят два милиционера – тоже не проскочишь. Постоял немного, смотрю: один из стражей порядка уходит...

– Начальник, помоги, – я догнал милиционера.

– В чем дело?

Я попытался в двух словах объяснить ему ситуацию, показал билеты и командировочные Совета министров Дагестана...

– А я что могу сделать? – он отмахнулся от меня как от назойливой мухи.

– Пусти меня внутрь. Я подойду к тебе с билетами и деньгами, скажу, что неправильно сдачу дали, ты меня и пропустишь.

– Ну-у... – почесав затылок, согласился он, – это вариант. Заплатишь по пятьсот за каждый билет.

Помню, прикинул тогда: водка стоит триста рублей. Что же, из-за пяти бутылок нам торчать тут целый месяц?!

– Договорились.

– Приходи через час, – сказал милиционер, – напарник уйдет на обед, и я тебя пропущу.

Слома голову я помчался к женщинам, ввел их в курс дела. Те дали добро, вручили мне деньги. Когда минул положенный час, с развернутыми билетами я подбежал к своему милиционеру. Тот сыграл все как по нотам.

– А я тут при чем, – немного театрально развел он руками, – иди сам разбирайся.

Мне только этого и надо было. Нырнул в двери касс – у каждого окошечка, а их было с десяток, стояло всего по два-три человека. Минут через десять уже с прокомпостированными билетами на руках я вышел на улицу. Милиционер тут как тут.

– Ну, все в порядке?

Я кивнул в ответ и сунул ему в карман деньги.

– Как договаривались? – в его голосе прозвучали нотки недоверия.

– Не волнуйся, – говорю, – там ровно полторы...

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Через три часа мы уже были в вагоне. Сидели как сельди в бочке – в купе набралось двенадцать человек: одиннадцать взрослых и маленькая девчушка, которой, наверное, не было и года. На остановках военный, нянчивший девочку, то и дело бегал за кипятком. Затем доставал из вещмешка банку с кукурузной мукой, размешивал ложку муки в кипятке и кормил девочку. При этом очень тихо переговаривался с худенькой женщиной, сидевшей напротив.

Вдруг он ударил ее и вышел в тамбур. Мне стало как-то не по себе...

Взяв пачку папирос, я отправился вслед за военным. Только в тамбуре смог рассмотреть своего соседа поближе.

Из кармана своей засаленной гимнастерки он достал кисет с махоркой, кусочек газеты. Я протянул ему свою пачку, мы закурили...

И вдруг на его глазах заблестели слезы. Из внутреннего кармана он вытащил фотокарточку, протянул ее мне – на снимке красовался молодой бравый гвардии майор. Я еще раз глянул на военного и не поверил собственным глазам – на фотокарточке был он, а я-то думал, сосед – мужчина в возрасте.

Оказалось, он демобилизовался, приехал к своей девушке в Московскую область, женился, стал жить у ее родных. Парня никак не хотели прописывать, и молодожены решили уехать в другой город. Но куда ни обращались, всюду получали отказ. Довольно скоро у них кончились деньги, пришлось продать кое-что из вещей. Майор просил жену вернуться к родным, убеждал: будет хоть крыша над головой, а там, мол, стану добиваться прописки. Но та была неумолима: «Пока не вернем что продали, я обратно не поеду».

– Вот уже год скитаемся по стране, – мой сосед тяжело вздохнул. – Доехали до Кавказа: так на ней даже белья нет, а денег у нас разве что на кукурузную муку для ребенка. Теперь вот домой возвращаемся...

...На Казанский вокзал мы прибыли в пять утра. Нас должен был встречать мой двоюродный брат Михаил, которому из Минвод я дал телеграмму. Однако на платформе его не оказалось. Мы спустились в метро, вышли на «Красносельской» – Краснопрудная улица оказалась в трех минутах от станции. Нашли дом, подъезд, квартиру, на двери которой было написано «Ханукаевы – 3 звонка». Я нажал три раза...

– Ой, Алеша! С приездом! – тетя Таня обняла меня, поцеловала, мы вошли с ней в прихожую.

Миша, толком еще не проснувшийся, стал объяснять:

– Понимаешь, я получил телеграмму: «Встречай. Алеша». Я так понял, Щербатов Алеша приезжает, Ани Абрамовой муж. Ну, думаю, в пять утра сам как-нибудь доберется... Ну, молодой жених, – отряхнув с себя остатки сна, он обнял меня наконец, – рассказывай, какими судьбами?

Тетя Таня поставила чайник, мы сели за стол. Мои спутницы вскоре отправились в учебно-курсовой институт. А я стал объяснять, что же меня все-таки привело в Москву...

КТО ПОТЕРЯЛ ДОКУМЕНТЫ?

Тем же утром мы с тетей Таней пошли по указанному в направлении адресу. В институте нам сказали, что занятия начнутся с десятого ноября, явиться надо к семнадцати часам. В общежитии, говорят, мест нет, ищите квартиру сами. Спасибо хоть на временную прописку письмо выдали.

Мы сходили в паспортный стол, оформили все как положено.

– Алеша, у тебя все равно сейчас время свободное, поехали в Иваново на свадьбу племянника, – предложила тетя. – Погуляем там, праздники проведем. Ну, а девятого вернемся.

Дел у меня действительно особых не было, и я стал собираться в дорогу. Сначала надел гимнастерку, в накладных карманах которой лежали документы и продуктовая карточка. Потом решил пойти в сорочке – выложил все необходимое на стол. Перед выходом снова передумал – опять надел гимнастерку...

...Что на вокзале творилось – словами не передать. Шум, гвалт, море людей – в буквальном смысле слова яблоку негде упасть. Какой-то мужчина, потрясая над головой бумагами, громко кричал: «Кто потерял документы?» Но мне было не до его крика – я никогда прежде не бывал в такой огромной толпе и немножко растерялся...

Но вот мы добрались до Иванова, тетя привела меня в дом своей мамы. Я вошел в прихожую, снял пальто, посмотрел на себя в зеркало... И обомлел – карманы гимнастерки оказались расстегнутыми, а документов в них не было. В глазах у меня потемнело...

– Я возвращаюсь в Москву, – в первую секунду только и смог из себя выдать.

– Без документов тебя остановят на первой же станции и будут держать до выяснения личности, – стала уговаривать меня тетя. – Поехали на свадьбу в деревню. Отец невесты – председатель колхоза, можно будет заявить, что у тебя украли документы, и получить справку, с которой и поедешь домой...

– Он из Дагестана, – меня представили председателю, который оказался очень приятным мужиком.

– Ну, сынок, – он приобнял меня, – садись поближе. Выпьем за родину Шамиля!

Когда свадьба отпела-отплясала, я рассказал председателю о своей беде. Он отвел меня в милицию, мы оформили все как положено, и мне выдали справку об утере. Но председатель попросил начальника отделения не отправлять пока запрос по месту жительства – может, говорит, подбросят еще документы.

– Ну, представь, – он положил мне руку на плечо. – Отправят запрос в Дагестан. Так у родных инфаркт будет.

Я поблагодарил начальника отделения, пообещал приехать к нему, если документы не найдутся. Сам между тем отправился в Москву. И на вокзале обратился в железнодорожную милицию.

– Не поступали к вам документы на Бабаева? – спрашиваю с надеждой в голосе.

Дежурный склонился над книгой регистраций и покачал головой:

– Нет, не было.

Всю дорогу до дома меня переполняли тягостные мысли. Только и думал: как преподнести отцу поступок с отъездом из Москвы, потерю документов. Да и вообще – как быть дальше?..

Весь не свой от горьких раздумий я зашел домой, открыл дверь в свою комнату... И – о чудо! – на столе увидел свои документы. Вмиг я оказался на седьмом небе от счастья!

ЕСЛИ Б Я БЫЛ СУЛТАН...

Десятого ноября началась учеба. Занятия проходили во вторую смену: с пяти вечера до половины одиннадцатого. В группе я оказался самым младшим: моим однокурсникам было по двадцать пять, по тридцать, некоторым даже по сорок лет – мне же на тот момент не исполнилось еще и восемнадцати. Уж не знаю, чем руководствовался методист, когда назначал меня старостой группы, но факт остается фактом – сразу на мою голову посыпались общественные поручения одно за другим.

В конце декабря мне под отчет выдали деньги – на второе января нужно было заказать для трех групп экскурсию в Третьяковскую галерею, оплатить входные билеты и трех экскурсоводов. Я приехал в Третьяковку: так и так, говорю, вы же понимаете, что сразу после Нового года не все смогут прийти. В случае чего, мол, деньги вернете? «Нет», – отвечают. Тогда я решил оплатить не троих, а одного экскурсовода, и взял всего лишь тридцать билетов. Если что, думаю, докуплю без проблем.

Встречу однокурсникам я назначил у станции метро «Парк культуры». Как и предполагал, пришли далеко не все – двадцать шесть женщин и один мужчина. Мы с интересом осмотрели экспонаты галереи. Деньги у меня еще оставались, и я предложил ребятам сходить в кино. Шел фильм «Адмирал Нахимов». Понятное дело, против такой идеи никто не возражал.

На следующее утро я составил отчет о проделанной работе, приложил к нему билеты из кинотеатра и понес методисту.

– Вы что, решили со своим гаремом в кино сходить? – он сердито посмотрел на меня. – Еще бы в ресторан пошли!..

– Я вас не понимаю... – промямлил я в ответ.

– Чтобы понял, перепиши отчет. Билеты – в урну! А деньги за свой гарем вернешь.

– Вы поймите, – я невольно улыбнулся, – в Дагестане было многоженство: две, ну три жены держали. Но двадцать шесть – никогда. Почему я должен за них платить?..

ХЛЕБ ВСЕМУ ГОЛОВА

В январе организовали экскурсию на камвольно-суконную фабрику. А вскоре методист дает мне новое задание – получить и привезти две тонны бумаги для черчения.

– А машина, погрузка, выгрузка? – спрашиваю. – Организовать как в кино?

Посмеялись с ним – старое было давно уже забыто.

– Сколько надо? – вопросительно посмотрел на меня методист.

– Вы меня извините, – говорю, – я грузчиком не работал и машину грузовую не имел. Сами прекрасно знаете, какие цены.

– Так... – он принялся считать в уме. – Возьми под отчет три тысячи и постарайся завтра бумагу привезти.

Вечером на занятиях я собрал вокруг себя ребят: «Есть, – говорю, – возможность заработать». Трое согласились сразу. Парни были намного старше меня и более сообразительные, так что мы быстро управились с заданием, все как надо загрузили и привезли. В качестве вознаграждения я предложил ребятам пообедать...

– Да где сейчас? – махнул один рукой. – И хлеба не достать!

В Москве и вправду тогда с хлебом было тяжело. В сорок шестом в продаже появился коммерческий хлеб. Но уже в августе он исчез – засуха и неурожай на Украине сделали свое черное дело. Хлеб оставался разве что в московских столовых – по сто граммов выдавали к первому и ко второму блюду. Однако попасть в такое заведение было практически невозможно – в очереди люди стояли часами. Но у меня знакомая работала в столовой на Красносельской, и я без проблем заходил к ней через служебный вход.

Вообще, надо сказать, для того тяжелого времени я устроился весьма неплохо. Каждое утро я отоваривал хлебную карточку в ближайшем магазине. На выходе сразу с десятков человек меня облепляли, чуть не выхватывали драгоценную буханку из рук: «Продай!» Отдавал я ее за сто рублей. И с этими деньгами дважды в день ходил в столовую: в одиннадцать часов и в три. Обед с двухсотграммовой порцией хлеба обходился в двадцать пять рублей. И выходит, за пятьдесят рублей я получал четыреста граммов хлеба, два первых и два вторых блюда. Кроме того, пятьдесят рублей у меня еще оставалось.

– Ребята, – говорю своим сокурсникам, – как вы разделились с бумагой, так я быстро решу с хлебом.

Мы купили пару бутылок вина. После чего очень быстро оказались за столом...

«ПРОСТИТЕ, НО Я НЕ МУЖЧИНА...»

По возвращении в Махачкалу я сразу принял цех в артели «Красный Октябрь». Под моим началом трудились двадцать человек. Цех наш производил изделия из материала артели – из парашютного шелка мы шили летние мужские и женские костюмы.

Однажды меня направили в Совет Министров Дагестана. Руководителям республики положены были костюмы, и, чтобы чиновники не тратили свое драгоценное время, мерку с них снимали прямо на рабочих местах.

Очень хорошо запомнил одну из клиенток – женщину по фамилии Голегова. Я пригласил ее в примерочную, занес юбку и пиджак, сам тактично удалился. Через некоторое время спрашиваю:

– Можно войти?

– Входите, – отвечает из-за ширмы.

Ребята из Совмина смеются: «Нам тоже можно?»

Захожу – она в одном исподнем. Стоит у зеркала, фигуркой своей любитесь. Смотрю на нее, она на меня. Только и смог выдать из себя: «Одевайтесь». Подал ей юбку, она надела. Каменными пальцами подогнул низ, спрашиваю:

– Длину такую оставить?

– На ваше усмотрение, – говорит.

Я стал смелее: булавкой заколол край юбки, надел на женщину пиджачок, отметил центр груди. В общем, с горем пополам закончили примерку, из-за ширмы я вышел красный как бурлак. Да и она, по правде сказать, была не лучше...

Клиенты зачастую просили отдать им только ткань – костюм, мол, не понадобится, походим и в старом, а отрез на рынке продать можно было втридорога.

Помню, одна дама из прокуратуры подает ордер на пошив, сама достает папиросы.

– Сначала давайте закурим.

– Спасибо, – отвечаю, – я не курю.

– Как-то не по себе, когда мужчина не курит...

– Извините, – я улыбнулся, – но я не мужчина. Я еще юноша...

Так и не дал ей отрезом, хотя мне выгодно было – за пошив-то уже уплачено.

ЦИРК, ДА И ТОЛЬКО!

Как-то срочно вызывают меня в контору.

Выясняю в чем дело, оказывается – в артель приехал председатель республиканского общества «Спартак», к которому относилась и наша промысловая кооперация. Стартует чемпионат республики по футболу, а все игроки по какому-то нелепому недоразумению находятся в отпусках. Если команда не выйдет на первую игру первенства, ее ждет дисквалификация. А посему, мол, нужно срочно найти молодых ребят, которые смогли бы заменить футболистов.

– Да не беда, – говорю, – сейчас наберем.

Пригнал своих портных, со мной вместе набралось двенадцать человек. Совсем юных, «необстрелянных»: мне было восемнадцать, а кому-то и того меньше. Мы не знали, что такое правофланговый, левофланговый. Да что там – бутсы в жизни никогда не надевали, нам их зашнуровывали как детям малым.

И вот – выходим мы на поле. Против нас – ребята из Сельхозинститута. Команда сыгранная, полупрофессиональная. А мы что? Кто-то из наших ударит по мячу – все несутся вперед, мяч полетел назад – и все за ним. Но это же не дворовый футбол. Республиканский стадион! Люди билеты купили...

Сначала нас освистывать стали. А потом стадион просто взорвался от хохота! Наш футболист хочет ударить, размахивается, ногой не попадает по мячу и... падает на траву словно подкошенный. В общем, цирк да и только – после первого тайма мы проигрывали со счетом 7:0.

В перерыве председатель общества всех заменил – из стартового состава один я, наверное, на поле остался, потому как

еще более-менее удачно сыграл – за первые сорок пять минут два раза по мячу ударил. Замену прямо со стадиона набирали. И так получилось – это вообще нарочно не придумаешь! – что на ворота у нас встал парень, у которого не было кисти руки. Правда, стоит отдать ему должное – пропустил он всего три мяча, и в итоге мы проиграли со счетом 10:0.

Я после той игры неделю ни сесть, ни встать не мог – до того ноги гудели. И больше, конечно, на футбольное поле я в жизни не выходил...

АТЫ-БАТЫ – И В СОЛДАТЫ

В сорок седьмом, накануне октябрьских праздников, была проведена реформа – деньги обменивались один к десяти. Тут же в стране отменили карточную систему, и в магазинах, как по мановению волшебной палочки, появилось все разом. Конечно, уже совсем по другим ценам...

С сорок седьмого по пятидесятый год я работал закройщиком в артели. Это сейчас закройщик – так себе, невелика фигура. А в то время в стране почти не было готовых швейных изделий, заказать в ателье – целая проблема. И закройщик был на высоте.

...В июне сорок седьмого мы с Таней сыграли свадьбу. В апреле следующего года у нас родился сын – родители дали ему имя Садуг. В августе сорок девятого на свет появился второй ребенок. Родители хотели назвать его Одомом, но тут уж я восстал, сказал: хватит! И назвали Игорем. А в 1950 году меня забрали в армию...

Мой портной, однофамилец Миша Бабаев, когда узнал, что я ухожу в армию, буквально упросил меня организовать и ему повестку тоже. А дело было в следующем.

Миша поехал в Курск. Чтобы оправдать дорогу, взял с собой на продажу несколько пар тапочек. На рынке его как спекулянта задержали, отобрали паспорт, составили протокол. И отпустили, отправив данные по месту жительства. Так он решил: лучше в армию, чем в тюрьму.

Мы с Мишей пошли в военкомат, сказали, что паспорт он потерял. Мой однофамилец был призывного возраста, поэтому с повесткой проблем не возникло – вручили прямо на месте. И мы стали собираться в дорогу.

Зная, что в армии буду получать три рубля в месяц и сидеть на голой похлебке, я взял с собой деньги. С ними и связана следующая история...

ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ НА МЕЛКИЕ РАСХОДЫ

До Туркмении, где предстояло служить, мы добирались, что называется, с приключениями.

Практически все призывники были из дальних аулов, русского языка почти никто не знал. В дороге новобранцам в качестве сухого пайка выдали колбасу – дагестанцы даже пальцем к ней не притронулись. И тогда мы с Мишей решили подзаработать.

Во время остановки в Баладжари вышли из поезда, прихватив с собой два ящика колбасы, взяли машину, поехали в Баку и на местном рынке колбасу продали. Потом заглянули еще в бакинскую чайхану. Возвращаемся в Баладжари – а состава-то и нет.

Стали выяснять что случилось – оказалось, всех призывников пересадили в грузовики и отправили в морской порт. Мы быстрее туда. И ведь еле успели – хорошо еще из такси я заметил пароход, на котором толпились новобранцы в дагестанских папахах, так что сразу понял, куда бежать...

На следующий день мы вошли в Красноводский порт, отсюда пешим ходом направились на железнодорожную станцию, где нас уже поджидал состав. Всю ночь провели в пути. А в пять утра послышалась команда: «Выйти из вагонов!»

На станции офицеры по списку проводили перекличку, и каждый офицер, набрав группу, давал команду идти за ним

строим. Мы прошли мимо тюрьмы с вышками и оказались на территории воинской части. Там нас, новобранцев, первым делом повели в баню, всем выдали солдатскую форму – не новую, но чистую.

«Деньги и часы сдать начфину!» – прокричал начальник карантина, и все послушно выстроились на сдачу.

Когда очередь дошла до меня, у начфина глаза на лоб полезли: «Восемь тысяч?! Такие деньги, – говорит, – я не приму».

Пришлось обратиться к начальнику карантина. Тот был настроен благодушно: подозвал к себе старшину, велел надеть мне погоны и отвести в сберкасу.

...Идем со старшиной по городу, проходим опять мимо тюрьмы с вышками.

– Может, позавтракаем? – спрашиваю.

– Давай, – согласился он.

Мы зашли в какой-то ресторанчик, перекусили. Затем старшина пригласил к себе в гости: нас встретила его девушка, накрыла на стол, мы выпили. Сколько сидели, я, честно говоря, не знаю. Помню только, прилег отдохнуть немного, через некоторое время просыпаюсь – а старшины нет.

Вышел я из дома. А куда идти-то? Ночь на дворе. Я даже не знаю, в каком городе нахожусь, а уж где часть – и подавно. Помню, там тюрьма была. Но кого из прохожих ни спросишь: «Где тюрьма?» – все шарахаются как от прокаженного.

Под утро только какой-то местный сжалился надо мной – объяснил, как до тюрьмы добраться. Попав наконец в часть, я сразу зашел в каптерку старшины и завалился спать...

«БАБАЕВ – РАЗГИЛЬДАЙ!..»

Проснулся я часов в двенадцать дня, вышел из каптерки – в бараке ни души. Зашел в столовую – там чистые столы и тоже никого. Я вернулся в каптерку, снова уснул.

Часа через два открывается дверь и заходит... негр. Я глаза протер, смотрю – а это старшина, только почему-то весь черный. Оказывается, вечером по тревоге подняли весь карантин,

был приказ выгружать уголь – так он попросил свою сожительницу меня не будить, а сам уехал.

После того как старшина принял душ, мы снова отправились в город. По дороге мой провожатый встретил знакомого офицера, они разговорились. Я же огляделся по сторонам, смотрю: в одной из витрин шинели висят, кители. И сверху вывеска: «Мастерская военторга». Мне стало любопытно, я открыл дверь...

Таки так, объясняя сидящему за прилавком туркмену, закройщик первой категории. Он посмотрел на меня оценивающим взглядом: пошли, говорит, к начальнику военторга. Однако не успели мы сделать и нескольких шагов, как откуда ни возьмись передо мной вырос офицер.

– Рядовой, почему не приветствуете?

– Чего?.. – не понял я.

– Ваше увольнительное!

– У меня нет увольнительного...

– Вы из какой части?

– Не знаю, – я растерялся. – Там тюрьма рядом, от тюрьмы дорогу покажу, а так...

– Пройдемте, – сурово сказал офицер.

Пришлось следовать за ним в комендатуру.

Только минут через тридцать за мной приехал начальник карантина. В части он выстроил новобранцев и давай меня распекать по полной программе: Бабаев, мол, разгильдяй!.. Я этого слова не знал тогда, но понял, что к похвалам оно, мягко говоря, не относится. Однако когда последовала команда «разойтись», начальник карантина кивнул мне более дружелюбно: «Бабаев, пойдем-ка со мной». И привел к начальнику воинской части, полковнику Денисову.

– Ну-у... – Денисов деловито смерил меня взглядом. – Что ты умеешь?

– Я три года работал закройщиком мужской и женской верхней и военной одежды, – отвечаю привычно.

– Н-да? – он усмехнулся в усы. – Ну-ка пошли ко мне.

Дома полковник достал отрез дорогого материала.

– Ну что, осилишь? Пошьешь мне брюки?

Смотрю, у него и машинка швейная имеется.

– Сантиметр есть? – спрашиваю. – И кусочек мыла?

Мылом начертил на ткани галифе, взял в руки ножницы...

– Бабаев! – полковник замахал на меня руками. – Подожди!..

– Что вы переживаете, вы же знаете, у меня деньги есть.

Если что не так – оплачу.

Поворчав, полковник отправился к себе на службу, а я тем временем раскроил брюки, сел за машинку. По опыту знал: брюки шьются три-четыре часа – в общем, к приходу Денисова они были готовы. Полковник примерил обновку, прошелся в них, даже попросился.

– Ну, Бабаев, – сказал он, заметно повеселев, – есть повод!

Поужинали мы с бутылкой. А потом неделю еще я ездил к Денисову – хозяйке его пальто шил.

Кстати, жена полковника оказалась зубным врачом. А я до армии еще сделал себе по одной золотой коронке с каждой стороны – так модно было...

– Алексей, – замечает она как-то, – вы всегда улыбаетесь, и коронки блестят как клыки. Давайте я сделаю вам еще по коронке с каждой стороны – вот тогда улыбка будет вам к лицу.

В общем, пока шил пальто, у меня добавились на зубах коронки.

А спустя какое-то время меня перевели в хозяйственное отделение. Поставили старшим в дивизионных мастерских, которые занимались ремонтом солдатской одежды и обуви.

НУ НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК!

Всего в дивизии десять полков. В каждом была своя мастерская, где работали по два портных и по два сапожника. Дивизионная же мастерская, которой заведовал я, располагалась в хозблоке при штабе, и в моем распоряжении было десять портных и пять сапожников. Все они жили в казарме, размещенной в здании мельницы, и только я один спал в мастерской.

О пошиве тогда и речи быть не могло, мои ребята умели только латать: солдат придет – ему на обмундирование запла-

ту поставят, у кого-то сапог порвался – починят. Потом уже я их шить научил. Помимо всего прочего мы стали выполнять и частные заказы и таким образом еще и зарабатывали.

Кроме того, в одной из подсобок мы подняли полы, вырыли большой глубокий погреб, благоустроили его, провели естественную вытяжку. Там было прохладно и можно было держать продукты. Время от времени я посылал ребят на бахчи, чтобы они поменяли б/у обмундирование на сельхозпродукты. Поблизости с нами размещалась первая реактивная дивизия – ко мне приходили летчики и их жены, просили им пошить. Они меня снабжали деликатесами. Зам. по тылу, помню, когда приходил ко мне, всегда спрашивал: «Ну, Бабаев, что в погребе вкусенького?» В общем, мы неплохо устроились.

А в декабре один полковник обратился ко мне с просьбой пошить ему шинель.

– Вообще-то у меня времени нет, – отвечаю. – Но вам пошью. У вас служит мой брат, Бабаев его фамилия, он портной. Если на две недельки пришлете его ко мне, тогда он будет выполнять мою работу, а я смогу пошить вам шинель.

– Не вопрос, – говорит, – завтра его привезут к вам.

– Хорошо. Тогда давайте сниму с вас мерки, а с братом пришлете отрез.

Так ко мне попал однофамилец мой – Миша Бабаев. До того рад он был возможности улизнуть с полигона – ему ведь приходилось бегать по жаре с полной выкладкой, а это тридцать два килограмма за плечами...

Я покроил шинель, дал Мише подготовить ее к примерке. Мой однофамилец был хороший портной, за две недели он мог и четыре такие шинели пошить, не то что одну. За обновкой полковник явился первого января...

Накануне вечером с ребятами я проводил Старый год и пошел к полковнику встречать Новый. Признаться честно, за столом я чувствовал себя немного не в своей тарелке: вокруг сплошь офицеры: майоры, подполковники, полковники. И один лишь я простой солдат. Сначала мы разминались водочкой. Когда часы пробили полночь, подняли бокалы с шампанским, стоя выпили за Новый год. Снова перешли на водку. Тосты понеслись один за другим – как было не выпить за того

или иного начальника! А за закуской тянуться я считал неудобным.

Через пару часов чувствую – водочка берет свое. Выбрал момент, встал, медленно направился к выходу, меня как маятник покачивало из стороны в сторону. Еле-еле добрался я до мастерской, сразу разбудил Мишу: «Спустись в погреб, – говорю, – принеси чего-нибудь пожевать». Когда тот вернулся, я буквально набросился на еду...

К обеду пришел полковник. Примерил шинель, посмотрел на себя в зеркало.

– Хороша! – аж причмокнул от удовольствия. И полез в карман за деньгами...

– Товарищ полковник, – говорю, – денег не надо. К вам просьба одна: переведите брата в полковую мастерскую.

– Хорошо, завтра будет приказ. Но деньги все же возьми, – и протягивает мне пятьсот рублей.

Я взял пачку, вынул из нее две пятидесятирублевые купюры.

– Одну, – показываю, – нам с Мишей обмыть шинель, вторую – вам обмыть обновку. А остальные – вот... – и положил деньги в карман новой полковничьей шинели.

Мы расцеловались, и уже на следующий день вышел приказ: рядового Бабаева Михаила перевести старшим портным в полковую мастерскую.

ТАЙНА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Как отличнику боевой и политической подготовки мне четыре раза давали отпуск. Но первый выдался наиболее памятным...

Вместе с товарищем мы добрались до Красноводска. Пароход на Баку отправлялся только на следующий день. Вечером, чтобы не скучать, мы познакомились с симпатичной девушкой и пригласили ее в кино.

До начала сеанса оставалось больше часа, мы решили заглянуть в ближайшее кафе, провести время там. И к началу сеанса, конечно, немного опоздали. Стучимся – не открыва-

ют. Долбим – ноль внимания. Тогда уж я дернул дверь – хилый запор не выдержал, и крючок, позвякивая, запрыгал по полу...

Сколько криков было, сколько визга – билетеры грудью встали на пути, ни за что не хотели нас пускать. В довершение ко всему еще и вызвали патруль, и нас с приятелем забрали в комендатуру.

Утром просыпаюсь: на мне же офицерская гимнастерка, сапоги хромовые. А сам-то – всего лишь солдат. То есть за нарушение формы уже и наказать могли. Так, думаю, отпуск проведу на гауптвахте...

Утром отвели нас к коменданту. Посмотрел он на меня:

– Знал, – говорит, – я татов, но такого – в первый раз вижу.

А во мне сто килограммов веса было, все считали, что я боксер.

– Откуда, – спрашивает, – у вас деньги?

– Я закройщик, деньги мне дали офицеры, чтобы привез им отрезы...

– Знаете, Бабаев, по положению я вас должен десять дней держать на гауптвахте, а потом отправить обратно в часть. Но! Вот у меня веранда, а вы, когда сопротивлялись, разбили там стекла. И если заплатите за остекление...

Уж не знаю, кто ему стекла побил, только не я. Но в моей ситуации разве кому что докажешь? В общем, дал я добро. Комендант вызвал мастера, тот остеклил, запросил за свою работу двести рублей. Пришлось платить по счету.

На обратной стороне отпускного листа комендант сверху донизу написал: «Сорвал в кинотеатре сеанс. Нарушение формы. По прибытии в часть наказать». Поставил печать и подпись.

С горем пополам добрался я до Баку, решил сходить на местный рынок, чтобы гостинцев домой купить. Откуда ни возьмись опять военный патруль! И снова здорово: «Попрошу пройти с нами». Показываю документы и отпускной лист – никакие уговоры не действуют. Привели меня в комендатуру и опять вклеили: сверх написанного – «нарушение формы», печать, подпись.

И вот наконец Махачкала. Ну, с махачкалинским комендантом у меня совсем другие отношения были – свой чело-

век, сколько раз его обшивал. Этот поверх всего написанного ставит свою резолюцию: «Ввиду состояния здоровья продлить Бабаеву отпуск на шесть суток», печать и подпись. Проходит шесть дней, он еще на неделю продлевает – комендант имеет право два раза продлить отпуск по состоянию здоровья. И опять – печать с подписью.

В часть я прибыл на две недели позже положенного срока. Командование стало разбираться что к чему. Зам. по тылу крутил-вертел мое отпускное удостоверение. В конце концов плюнул – комдиву докладывает: «Там у Бабаева четыре печати и четыре подписи. Но что к чему – понять невозможно».

Вот так закончился мой первый отпуск.

МЕСТЬ ЛЕЙТЕНАНТА

Недалеко от нашей части в поселке проживала одна моя хорошая знакомая. В воскресенье с однофамильцем Мишей зашли к ней: сидим на кухне беседуем, вдруг стук в дверь. Подруга вышла во двор, мы услышали, как она с кем-то разговаривает на повышенных тонах, немного встревожились. Однако уже через несколько минут девушка вернулась домой, закрыла дверь на ключ, и мы продолжили чаевничать, слушать музыку, беседовать...

Часа не прошло – в дверь снова постучали. Я заметил, что хозяйка сильно нервничает. Но вида она старалась не подавать, как ни в чем не бывало поднялась со стула и направилась в прихожую. Я услышал вздох облегчения – очередным гостем оказался Леша Ланин, наш водитель из штаба.

– Алексей, поехали, можем не успеть... – по его голосу я понял, что лишних вопросов задавать не стоит.

Запрыгнув в машину, я спросил, что случилось. Леша говорит: в штаб дежурному позвонили из комендатуры, сказали, что направляют машину с солдатами в поселок – мол, Бабаев с друзьями, пьяные, драку учинили. Что к чему и почему – он не в курсе.

Мы уже подъезжали к части, когда я попросил Лешу остановить машину: «Зайди на проходную сам, пожалуйста, выясни обстановку».

– Там майор, его зам и старшина, – вернувшись, докладывает Ланин. – Я зашел в казарму: все знают, что Бабаев что-то натворил, а вот что – понять невозможно...

Попасть в мастерскую можно только через проходную – вокруг дивизионные склады, и там вооруженная охрана. Разве что какая сторожиха пропустит – это, думаю, единственный шанс. Но ничего страшного, мог бы войти в проходную. Решил попробовать через охрану.

– Прошу вас, мамаша, – я подбежал к сторожке, – можно я через забор перелезу? На проходной начальник, а я выпимши...

– Стой, стрелять буду! – кричит.

– У вас ведь есть дети, помогите!..

И, была не была, бросился к забору. Один прыжок – и я на территории части. Ну, а там до мастерской рукой подать. Я прибежал к себе, в одну секунду разделся, лег в кровать.

И пяти минут не прошло – в дверь забарабанили.

– Кто там еще? – отозвался я сонным голосом.

Слышу, переговариваются: «Бабаев у себя, товарищ майор». Я открыл дверь, лениво позевывая...

– Ты же не был в мастерской, – майор подозрительно на меня глянул. – Клянусь, через склады пройти невозможно, как ты сюда попал?

Однако допрос с пристрастием мне устраивать не стал. При мне позвонил в штаб: «Бабаев у себя... да... стоит на ногах...» И дело было кончено.

Потом уж я выяснил, в чем тут суть. К моей знакомой давно в женихи набивался один старший лейтенант. Но сколько к ней ни приходил, она все время выставляла его за дверь. Однажды я стал свидетелем их разборки. Девушка закричала на лейтенанта: «Не приходи больше! Я за него, – она кивнула в мою сторону, – замуж выхожу!»

Вот старлей и решил таким образом мне отомстить. Позвонил в комендатуру, назвалсся чужой фамилией и сообщил: дескать, Бабаев устроил дебош...

БЕРИ ШИНЕЛЬ ...

Солдату была положена одна шинель на два года, сапоги – на год и гимнастерка – на восемь месяцев. Когда подходил срок, боец сдавал старую форму и получал взамен новую.

Половину б/у – от простыней до плащ-палаток – дивизия отправляла в Ташкент, на окружную базу Туркестанского военного округа, оттуда поношенные сапоги и гимнастерки переправляли в штрафные батальоны и в тюрьмы. Другую половину оставляли в части: у шинелей и гимнастерок только воротники надрезали, чтобы повторно не попали на сдачу, и пускали на ветошь для протирки техники.

Довелось мне как-то сопровождать груз в Ташкент. Набрал я б/у, что называется, с запасом – в вагоны набросал не пятьдесят, как полагалось, а, наверное, все семьдесят процентов старой одежды. Долго мы добирались до узбекской столицы, на каждой станции простаивали по нескольку часов. Во время остановок к нам то и дело заглядывали любопытные местные жители с одним и тем же вопросом: «Что везешь?»

– Сапоги, шинели, – отвечаю привычно.

– Давай!!!

Военная одежда, как оказалось, пользовалась у них популярностью. Они набивали свои мешки, а через час появлялись вновь: «Давай еще!»

Честно говоря, я сбился со счета, сколько продал, – кажется, перебрал немного. Весь оставшийся путь буквально места себе не находил: как, думаю, отчитываться буду? Едва прибыли на базу, я подошел к старшине, который принимал груз:

– Когда считать будем?

– Завтра оформим, – ответил он.

– Ну, завтра так завтра...

Старшина отвел нас в казарму, дал указания определить на ночлег. Уже собирался было уходить, как я его окликнул:

– Может, поужинаем?

– Да можно, – говорит. – Я тут живу неподалеку: хочешь, пойдем ко мне, жена чего-нибудь состряпает. Только в магазин зайдем сперва.

Жена старшины встретила нас приветливо, быстро собрала на стол: мы долго ужинали, выпили немало. Мне-то хоть бы хны, а вот старшина слабеньким оказался – уже через пару часов он порядком наклюкался, упал со стула и захрапел прямо на полу.

– Куда его перенести? – спросил я у его супруги.

– Да пусть лежит, – она махнула на мужа рукой. – До утра проспится.

И попросила налить еще.

Мы выпили по одной – снова протягивает рюмку. Чувствую, дело пахнет керосином. Мне ведь завтра этому старшине б/у сдавать, он мне нужен как друг. А если обижу его – мне хана. Встал я из-за стола, начал прощаться. Но не тут-то было.

– Не уходи, – жена старшины схватила меня за руку и потянула в комнату, – он до утра не проснется.

– Ты чего! – я отдернул руку и направился к выходу.

Она перегородила собой дверь.

– Уйди! – оттолкнул я ее и вышел на улицу.

Стояла тихая безмятежная ночь, на улице не было ни души. Лишь через час мне удалось поймать попутку. Ехать решил к своему брату Николаю, он после войны в Ташкенте остался...

– Кто там? – на мой стук из-за ворот отозвался заспанный недовольный голос.

– Бабаев.

Калитка со скрипом отворилась:

– Ой, Леша! – мы расцеловались, и я вошел в дом.

Сидели долго, почти всю ночь – Николай с сорок третьего года не был в Дагестане, все про родных расспрашивал...

Утром я приехал на базу. И не поверил собственным глазам – как оказалось, считать форму никто и не думал. Солдаты разбирали сапоги: какие в сторону отбрасывали, а какие швыряли прямо в костер. Я, как говорится, аж перекрестился...

Разыскал своего знакомого старшину, поинтересовался, как он себя чувствует, и предложил поправить здоровье в ближай-

шей чайхане. После посиделок сунул ему накладные и командировочные ребят – он без проблем все подписал, поставил печати...

– Знаешь, – говорю, – у меня брат в Ташкенте, если можно, поставь убытие тремя днями позже.

И в этом не отказал. Расставались мы как лучшие друзья.

ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ

После раскрыя изделия у меня оставались куски – шмуки, на языке закройщиков, эти шмуки пользовались большим спросом у местных шапочников. Однажды набрал я целый мешок шмуков, подозвал своего портного Мамеда. «Ты местный язык понимаешь немного, – говорю. – Иди отнеси». Выпсал ему увольнительную, Мамед взял мешок и уехал.

Возвращается с рынка и рассказывает.

Предложил он товар шапочнику одному. Тот, как увидел шмуки из хороших тканей, просто мертвой хваткой вцепился: «Откуда у тебя?» Мамед объяснил. Тогда торговец говорит: уплачу по завышенной цене, одно лишь условие – приведи хозяина этих шмуков ко мне домой. Причем о приезде просил предупредить заранее, чтобы, так сказать, лучше подготовиться к встрече.

В один из дней Мамед мне сообщает: шапочник ждет в гости. Нас подвезли к его дому: торговец встретил у порога, пригласил к себе. За ужином, к которому, видно было, очень хорошо готовились, стали знакомиться.

Оказалось, что Садык – так звали шапочника – бывший руководитель торгова. В свое время на чем-то проштрафился, его уволили с пунктом в статье, запрещающим работать в торговле. Тогда он и открыл эту будку на рынке.

Я предложил Садыку работать вместе: мои ребята будут шить, он – реализовывать. На том и сговорились.

Впоследствии в доме торговца я стал частым гостем, все воскресенья проводил у него. Садык оказался верующим до мозга костей, дома на стене у него висел коврик с мечетью, на

который он то и дело молился. Жена торговца при посторонних была нема как рыба: на голос мужа появится, не подымая голову, выслушает, молча поставит на стол угощение. И за дверью стоит – ждет дальнейших указаний.

А спустя какое-то время ко мне обратился один солидный туркмен с просьбой пошить ему куртку. Я согласился, назначил день примерки. Всем доволен остался туркмен: щедро заплатил за пошив и пригласил пообедать.

– Если хочешь, – сказал он, когда мы выпили за знакомство, – могу организовать так, что тебя демобилизуют досрочно.

Туркмен пояснил, что руководит виноводочным заводом, и предложил такую штуку. На месяц он отправляет меня в Ашхабад на учебу, затем забирает к себе. И назначает заведующим розливом. Я поблагодарил за предложение, сказал, что нужно пораскинуть мозгами, и назначил ему встречу в воскресенье.

Сам между тем рассказываю Садыку о предложении водочного мастера.

– Не хочешь, – говорю, – сам попробовать? Ты подумай...

Садык согласился, и я пообещал, что в воскресенье приведу туркмена к нему домой.

В воскресенье, как мы и договаривались, туркмен пришел. Но я сразу сказал, что, к сожалению, в Марах остаться не могу, вся родня в Дагестане. И предложил взамен себя Садыка.

– Он порядочный, притом местный, – порекомендовал я шапочника. – Можем проехать к нему, если не возражаете...

Мы приехали к Садыку, я познакомил их, посидел немного и ушел. А мой приятель вскоре в Ашхабад уехал...

БРЮЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Демобилизовавшись из армии, в Махачкале я побыл всего несколько месяцев. Решил ехать в Москву: в столице у меня жили родственники. Думал, сначала поживу у них, ну а там, как говорится, видно будет.

Папа, когда узнал о моем решении, отреагировал мгновенно: «Тогда едем вместе». На следующий день он оформил отпуск на неделю, взял два билета на поезд Махачкала–Москва.

В Минводах на перроне нас встретил товарищ отца – директор базы Крайпотребсоюза.

– Наум Давыдович, – сказал он, узнав о наших планах, – если сейчас не останешься у меня – порву билеты, и ты никуда не уедешь. Ну что тебе в Москве делать? Есть Пятигорск, Кисловодск. Побудь два дня: не понравится – езжайте дальше.

Два дня, подумали мы, ничего не решают, перекомпости- ровали билеты. А товарищ отца тем временем написал реко- мендательное письмо председателю пятигорской артели «Швейник» Кобелеву Николаю Александровичу. К которо- му мы с отцом и отправились.

– Алексей, – Кобелев внимательно изучил мою трудовую книжку и диплом закройщика, – иди ко мне зав. производ- ством, принимай руководство хоть завтра.

По правде говоря, предложение его мне понравилось сра- зу. Я дал добро. Сказал, что съезжу только в Махачкалу, уво- люсь и тут же вернусь в Пятигорск.

Однако сказать было куда легче, чем сделать, – из «Крас- ного Октября» меня отпускать не хотели. Председатель, что называется, уперся рогом, припомнил, что артель изрядно потратилась, отправив меня на курсы в Москву.

Еле-еле получилось оттуда вырваться, я сдал цех, приехал в Пятигорск. А буквально через две недели после моего отъезда в самом центре Махачкалы, на Буйнакской улице, обворова- ли наше ателье. Вывезли все, подчистую.

На совещание к начальнику милиции была вызвана вся верхушка «Красного Октября». Председателю артели, заведу- ющему ателье, другим начальникам задавали один и тот же вопрос: кого вы подозреваете? Кто-то из руководителей пред- положил: «Может, Бабаев устроил? Его же не отпускали, вот он нам такую подлянку и сделал». Начальник милиции Мур- тазаев оборвал на полуслове: «Не говорите ерунды! Вообще эту фамилию не упоминайте!»

Лишь на пятый месяц милиция вышла на след грабителей. Причем совершенно случайно – в один из комиссионных ма-

газинов города сдали брюки из нашего ателье, по ним и сыскали воров. Тогда только и раскрылась загадка – как можно было в центре Махачкалы опустошить ателье.

Как выяснилось, воры перелезли через ворота, вошли во двор. Выбили стекло, связали сторожиху, в туалете ее закрыли. Все, что было в ателье, увезли в ближайший порт Махачкала-1, там добычу погрузили на баржу, переправили в порт Махачкала-2. Затем приехали в один из дворов, где заранее был уже вырыт большой погреб, весь товар туда побросали, сверху присыпали землей. А одни брюки все ж оставили...

В общем, красиво украли, но не сумели красиво реализовать. Как раз те брюки их и выдали. Ведь это были не простые брюки. А брюки, что называется, с историей.

...Когда-то председатель Дагпромсовета Ханбабаев вызвал меня к себе в кабинет. «Тут такое дело, – говорит. – Надо пошить костюмы для руководителей Дагестана».

Когда костюм я отнес Ханбабаеву примерять, тот раскрыл гардероб, я смотрю: а у него точно такой же на вешалке болтается.

– Зачем вам два одинаковых? – спрашиваю. – Ваш костюм только немного поправить – будет совсем хорош.

– И то правда, – согласился Ханбабаев. – Тогда мой костюм отдашь секретарю горкома Буйнаксса.

Но в том-то и дело, что пиджак секретарю подошел, а брюки нет – живот оказался больше, чем у Ханбабаева. Я был вынужден выкроить новые брюки. А эти остались. Долго мы не могли их продать – костюм дорогой, цена на брюки – сорок процентов от всей стоимости, вот их никто и не брал. А преступники, понимаешь, польстились. За что в конечном счете и пострадали.

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ

В 1954 году перед Всесоюзными выборами мне, как заведующему производству, поручили оборудовать избирательный участок. Надо было достать красную ткань. Вот только где – это вопрос интересный. Потому что достать красную ткань в то время было практически невозможно.

Я хоть человек в отрасли новый, но все-таки двадцать пять лет стукнуло, не мальчик уже. Нужно было что-то решать, и я поехал в Георгиевск, где находилась база Крайпотребсоюза.

– Я в вашем краю недавно, – начал я знакомство с директором базы Дрожжиным. – Работаю в Пятигорске, зав. производством в артели «Швейник». Мне надо оборудовать избирательный участок, требуется два рулона красной ткани.

С того и началась наша многолетняя дружба с Дрожжиным, потом он часто мне помогал с сырьем для производства...

Со временем я подружился и с другими местными руководителями отрасли. С председателем артели Кобелевым, например, почти каждый божий день после работы мы брали бутылочку сухого вина, все выходные проводили вместе. Да и с председателем Союза швейников Ставропольского края Кутузовым, несмотря на большую разницу в возрасте, быстро нашли общий язык. Павел Тихонович очень ко мне привязался, сыном все называл. И постоянно брал с собой в рабочие поездки: то в Ессентуки, то в Кисловодск, по артелям, которые ему подчинялись.

Конечно, не обходилось в моей работе и без сложностей. Как зав. производством, я должен был подписывать всю документацию, и вот тут оказалось немало подводных камней, которые мне, человеку новому, еще только предстояло научиться обходить.

Как-то бухгалтер закройного цеха приносит мне на подпись наряд-заказ. Не стал я спешить с росчерком пера, пошел в цех и попросил сделать мне размеловку.

Норма на одно изделие была шесть с половиной метров – на раскладке, значит, получалось тринадцать. Размеловку мне сделали на двенадцать метров девяносто сантиметров – все вроде как сходится, пять сантиметров погрешности не в счет. Но я решил проверить все лично.

– Уберите это полотно, – велел я сотрудникам, – дайте мне следующее.

Сам размелил изделие. И у меня получилось – одиннадцать сорок. То есть по восемьдесят сантиметров экономии на одном изделии!

– Так, – говорю, – а теперь настелите восемьдесят полотен. Только без меня не режьте, позовите, когда все будет готово.

У меня было опасение, что по моей размеловке они специально могут запороть изделия, чтобы потом сказать: вот, дескать, пришел молодой, выскочка, и все нам тут испортил. А так я пришел – самолично проверил настил.

– Вот теперь, – говорю, – режьте. А наряд, – обращаюсь уже к бухгалтеру, – пожалуйста, перепишите.

Не проходит и часа, меня вызывает к себе Кобелев.

– Алексей, – он посмотрел на меня умоляюще, – ты бы не лез в закройный цех.

А что значит «не лезь», если я подписываю наряды и утверждаю финансовые отчеты?! Не стал я тогда с Кобелевым спорить, дал понять, что не буду настаивать на своем.

Вечером с Кобелевым, как обычно, сидим за бутылочкой.

– Знаешь, – говорю, – Николай Александрович, тебе это дело очень дорого обходится.

Он понял меня без лишних слов – закройным цехом в ту пору заведовала девушка по имени Марица, гречанка, и у нее с председателем были отношения.

Стал объяснять Кобелеву: так, мол, и так: здесь перерасход, тут экономия. Выслушал он меня, хлопнул по плечу:

– Дирижируй, Алексей, бери все в свои руки.

На следующий день я дал команду переписать наряд. После чего закройный цех уже меня стал спрашивать: что можно делать, а чего нельзя.

НА ПУТИ В КИСЛОВОДСК

Вскоре ко мне в Пятигорск перебрались родители с моей сестрой Милой, мы сняли квартиру. Почти сразу я сдал отцу свою должность, он принял у меня заведование производством. Я же перешел руководить Домом быта, в строительстве которого принимал непосредственное участие.

С Кутузовым, Кобелевым и главным бухгалтером артели отмечали мой переход. Застолье долгим не получилось – где-

то через час Кутузов забрал меня из ресторана, Кобелев тоже заторопился домой. А отец, хоть пил он крайне редко, предложил бухгалтеру еще немного задержаться.

Вечером возвращаюсь домой, мать жалуется: отцу плохо, сколько его знаю, говорит, таким в жизни никогда не видела.

Утром отец проснулся с больной головой, искряхтелся весь: ах-ах, не могу.

– Папа, – не удержался я от шутки, – это еще цветочки, а дальше будет целый букет. Крепись, привыкать надо – должность такая.

В Доме быта было несколько цехов: цех головных уборов, легкого платья, женской грации. Всего в штате числилось человек сто. Мы постоянно выполняли и перевыполняли план – и через несколько месяцев как лучшее предприятие в артели «Швейник» получили переходящее Красное знамя.

Кстати, трудился я в Доме быта на полставки, получал пятьдесят процентов оклада. А по совместительству работал еще закройщиком верхней мужской и женской одежды, где зарплата шла от выработки. Специальность терять я не хотел, ведь профессия эта превыше всех других в нашем деле.

А в 1955 году мы всей семьей перебрались в Кисловодск, где я устроился в артель имени Карла Маркса. Тамошний председатель – Косырев Виктор Митрофанович – оказался фронтовиком, с войны он вернулся без обеих ног, ходил на костылях. Сильный и мужественный был человек, хороший организатор, прекрасный товарищ. Работать с ним было одно удовольствие, он никогда не вмешивался в мои дела и доверял безгранично.

Позже меня выбрали в члены правления артели. Но опять моя кипучая натура не дала мне усидеть на одном месте. После работы стал ходить в кисловодское профтехучилище, где обучались будущие портнихи, обеспечивал студентов кроем. А кроме того, съездил в Невинномысск и договорился с местным управляющим торгом о пошиве для местного химзавода спецовок. Таким образом, организовал еще и массовый цех.

...Вскоре мы переехали со съемной квартиры – на улице Катыхина купили старый домик с большим участком. Отец в

артели оформил ссуду на строительство, и каждый выходной все родственники приходили к нам на участок как на настоящий субботник. Как могли, они помогали отцу – в то время он ведь старшим был в роду. А Борис Данилович во время работы всегда пел, у него прекрасный голос. Мы не чувствовали усталости и не замечали, как темнело...

ПАЛЕЦ ПОКАЖИ – РУКИ НЕ БУДЕТ

На базе Калмыкпотребсоюза залежалась как-то большая партия ткани бостон – порядка тридцати тысяч метров. Ткань была очень дорогая, стоила в то время триста рублей за метр и совсем не пользовалась спросом.

Неприятная, мягко говоря, ситуация – ведь каждая база имеет определенный лимит, и если остатки превышают положенное, сотрудников лишают премии.

Уценить промышленную ткань в то время ни одна организация не имела права даже на копейку – только после соответствующего решения Совета министров. Зато на швейные изделия, за счет своих прибылей, любое торговое предприятие могло сбавить цену как на не пользующееся спросом либо как на устаревший фасон – хоть на тридцать, хоть на пятьдесят процентов.

Я предложил управляющему базой Калмыкпотребсоюза Виктору Воронцову организовать пошив. Ударили мы по рукам, забрал я у него товар, загрузил своих – пошили мы мужские костюмы. По прейскуранту костюм стоил тысячу четыреста пятьдесят рублей. Через два месяца Воронцов уценил их вдвое, и по семьсот пятьдесят все они ушли. В результате база вошла в лимит, и люди получили премию. А без меня они долго бы еще от этой партии не избавились...

Тот свой калмыцкий опыт я вспомнил, когда познакомился с зам. Главкурортторга РСФСР Юрием Ивановичем Лобовым, которому подчинялась вся торговля российских курортов. Лобов частенько приезжал по работе в Кисловодск, все торговые работники рады были хотя бы присесть с этим

человеком за один стол, все зависимы от него были. Но Юрий Иванович ни с кем из них не общался, а меня уважал, хоть я как раз к торговле не имел никакого отношения.

«Слушай, Юрий Иванович, -- говорю ему однажды, -- давай я открою от Главкурортторга цех по переработке неликвидов».

Он дал добро.

На месте старого рынка размещались хозяйственные магазины, я договорился с Кузнецовым, управляющим Промторга, что забираю их под свой цех. В течение месяца мы переоборудовали помещения, набрал я людей из профтехучилища. И потом брал ткани, которые не пользовались спросом, шил из них изделия и успешно реализовывал.

А вскоре я обратился с письмом в исполком, попросил разрешения сделать еще одну пристройку. Была резолюция – «согласовать с архитектором города». Не стал я дожидаться всех согласований, в течение трех месяцев завершил строительство. Председатель исполкома, когда узнал об этом, лишь покачал головой: «Алексей, тебе палец покажи, и руки не будет. Я сказал – согласовать, а ты взял да выстроил». А Мураховский, секретарь горкома, долго еще возмущался: «Как! Под моим носом такое выстроили! (он жил в центре города). Кто дал команду?!»

Но это еще что! Напротив цеха, через дорогу, находилось городское бомбоубежище – его я арендовал под склады сырья, так как производство расширялось.

И все это проходило как-то у меня!..

БЕЗУМНАЯ НОЧЬ В ЛЕНИНГРАДЕ

Как-то я узнал, что в Ленинграде открыли новый вид обслуживания – салон полуфабрикатов. Изделия там шили чуть-чуть недоделанными. Клиент приходил, мерил. И через тридцать минут забирал уже готовую вещь.

Я решил поехать в Ленинград и поинтересоваться – что же это все-таки такое. Взял с собой своего старшего сына Славику, мужа моей сестры Исаю Викторовича и знакомого закрой-

щика по фамилии Кам – сын у того учился в Ленинграде, а кроме того, родственник был заместителем председателя Ленисполкома. На вокзале нас встретили, поселили в гостинице «Октябрьская» – все вроде шло нормально. Однако в одну из ночей с нами случилось сразу тридцать три неприятности.

Большой компанией мы решили пойти в ресторан. Вечером я отправил Славика к родственнику Кама, на всякий случай написал ему телефон и адрес зампреда горисполкома...

Помню, в ресторане две девушки ну так танцевали – просто как в индийских фильмах. Мы с Исаем буквально голову потеряли: познакомились с ними, договорились, что проводим. Сына Кама отослали обратно в гостиницу, сказав, что скоро будем. Сами же ближе к ночи посадили девушек в такси и поехали.

Ехали мы долго, не меньше часа – девицы сами показывали дорогу. Остановились в каком-то заброшенном старом парке.

В полной темноте идем по узенькой тропинке к маленькому деревянному дому. Слышу, одна другой шепчет: «Чего ты за мной увязалась, я сама обработаю». Вот так дела, думаю...

Мы вошли в дом. В одну из комнат зашел, смотрю – там пять-шесть мужиков сидят, в карты режутся. Тут уж сразу смекнул: пора тикать, попали в гадюшник какой-то, в притон. Говорю Исаю на нашем языке: удирать надо. А по-русски громко добавляю: «Сейчас я тебе покажу, где тут туалет». Мы вышли с ним на улицу. И как пустились бежать!.. За нами гнались. Как ноги унесли – ума не приложу. Выбежали мы на дорогу, поймали молоковозку какую-то. Около часа ехали – водитель, сколько мог, вез нас по прямой. Потом уж тормознули такси, и около четырех утра добрались до гостиницы. Где нас ждал новый сюрприз...

В номере оказалось пусто. Потом уж нам рассказали, как дело было. Сын Кама, как выяснилось, девушек привел, а посторонних после двенадцати в гостинице быть не должно, вот дежурный и выставил всех за дверь. Но это еще что! Только заходим – звонок:

– Бабаев? Это милиция. Ваш сын у нас.

– Как в милиции? – я так и сел.

Оказывается, Славик записку с телефоном и адресом где-то выронил. Звонит в гостиничный номер – трубку никто не берет. Так полночи он и ходил по городу, рассматривая витрины.

Снова с Исаем ловим такси, приезжаем в милицию. Славик там. Я аж перекрестился...

Через два дня только мы с Камом добрались до салона полуфабрикатов, посмотрели. Прибыльное дело оказалось. И впоследствии, уже в Ессентуках, я открыл первый в Ставропольском крае салон полуфабрикатов.

УШЕЛ ПО-АНГЛИЙСКИ

Вызывает меня секретарь Ессентукского горкома Шульга: – Хватит, Алексей, сидеть в салоне полуфабрикатов, буду представлять тебя на должность директора комбината.

– Михаил Андреевич, знаете, – отвечаю, – у меня четверо детей, мне пахать надо. Не пойду...

В общем, отказался я от предложения, директором поставили Кравцову Нину Ивановну. А я продолжал жить и работать на два города, из Кисловодска постоянно мотался в Ессентуки, и обратно.

Как-то Кравцова вызывает меня к себе и выдает следующую тираду:

– Алексей Наумович, я тебя иной раз днем с огнем не могу разыскать. Знаешь, я, когда ухожу, всегда секретарше говорю, где меня можно найти. Прошу тебя, ставь в известность.

Я промолчал, улыбнулся только. А на следующий день написал заявление об уходе.

Все удивились: что за прихоть такая. Да и Кравцова подумала, что я пошутил – с такого-то места уходить. Но уже через неделю я работал на Ессентукском производственном комбинате, который находился буквально через дорогу от нашего ателье.

С директором комбината – Яблоновским Иваном Ивановичем – мы были давними друзьями. Познакомились, когда он обратился ко мне по одному очень деликатному делу.

У Ивана Ивановича сын был болен: жена «мудрая» оказалась, ума у нее хватило всю беременность проходить в корсете – в результате ребенок родился недоразвитый. Зная о моей дружбе с ректором Краснодарского политехнического института, Иван Иванович попросил меня за сына. «Алексей, – говорит, – помоги пацана в Сельхозинститут устроить, ему в поле трудиться надо». Вместе с Яблоновским мы поехали в Краснодар, и дело было в шляпе...

Таким образом, написав заявление об уходе, я просто перешел через дорогу и оказался у своего старого приятеля. Встретил меня Иван Иванович как родного, предложил любую должность на выбор. И уже на следующий день перевел своего зама начальником швейного цеха, а меня назначил заместителем директора Эссентукского производственного комбината.

«АХ, КАКАЯ ДЕВОЧКА!»

В Кисловодске я всегда принимал экзамены в профтехучилище, после чего студентки проходили у меня практику. Во всех смыслах выгодное предприятие: во-первых, это способствовало выполнению плана, а во-вторых, зарплату практиканткам начислять не надо.

Но самое главное – так я познакомился со своей Валей...

Еще в Кисловодске обратил внимание на активную и способную девочку. Когда перебрался в Эссентуки, ее и еще нескольких портних забрал к себе на производственный комбинат. Причем Валю поставил сразу начальником подготовительного цеха...

В семьдесят втором году ректор Краснодарского политехнического института и мой большой друг Рудаков Яков Дмитриевич отдыхал в Цхалтубо. Позвонил мне оттуда: приезжай, мол. Я пообещал, что в воскресенье буду.

В тот день у меня гостил один профессор из Одессы. В субботу утром собираюсь везти его в аэропорт, вдруг звонок. Поднимаю трубку – какой-то резкий кавказский акцент.

– О-о! Алексэй Наумевич, ви еще дома? Яков Дмитриевич говорит, ви такой человек, такой человек! Ми тебя ждем, да-рагой, а ты дома сидишь!..

Конечно, я сразу смекнул в чем дело.

– Я обещал Якову Дмитриевичу, – отвечаю, – значит обязательно буду у вас.

Сели мы с Зиновием Исаевичем (так звали профессора) в машину, поехали в Минводы. А по пути заскочили на производственный комбинат – мне нужно было в закройный цех зайти, дать указание Вале, что приготовить на понедельник.

Зиновий Исаевич как увидел ее, так и расплылся в улыбке: «Ой, какая девочка!»

Вале было семнадцать, мне – за сорок. Но меня тогда совсем не интересовало, какая это девочка. Меня одна мучила мысль: боже мой, я уезжаю в Цхалтубо – еду туда, где ни разу не был, никому не говорю, куда еду. И черт знает, что может в дороге случиться, никто даже знать не будет...

– Валя, – я подозревал ее, – скажи, можешь в Домбай или в Архыз поехать?

– Надо, – говорит, – поеду.

– Тогда вот машина, сейчас тебя отвезут домой, собирайся, чтобы через тридцать минут стояла на дороге.

Прибыли мы в аэропорт, проводили Зиновия Исаевича.

«Посадка на рейс Минеральные Воды – Тбилиси заканчивается через пятнадцать минут...» – послышалось объявление.

Я рванул к кассам, взял билеты, до Тбилиси мы долетели за полчаса. Затем пересели на рейс до Кутаиси – это еще тридцать минут. Там взяли машину и где-то в девятом часу оказались в Цхалтубо.

Якова Дмитриевича мы нашли в кинотеатре санатория. И десяти минут не прошло, как за общим столом собралась едва ли не вся верхушка города: главврач, управляющий курортом, управляющий торгом, комитетчики местные. У каждого из них дети учились в Краснодарском политехническом – не встретиться с Яковым Дмитриевичем они, конечно, не могли...

Утром я разбудил Валу, вместе с Яковым Дмитриевичем мы отправились на рынок – в Цхалтубо, по правде говоря боль-

ше и идти-то некуда. Взяли бутылочку коньяка, апельсинчик – по сто граммов выпили.

Выходим с рынка: навстречу – вчерашняя компания.

– Яков Дмитриевич, что такое, мы вас ждем, а вы гуляете.

– Мы не просто гуляем, – Рудаков решил поддержал шутливый тон разговора, – мы с Алексеем Наумовичем уже по сто граммов коньяку выпили.

Управляющий торгом со значением усмехнулся.

– Вам, Яков Дмитриевич, простительно. А вот этому кавказскому человеку – он перевел взгляд на меня, – нет. Скажи пожалуйста, Алексей Наумович, с каких пор у меня в торге коньяк (!) стали продавать?

Конечно, я знал, что коньяк там – одно лишь название. Удивительно было другое – что при всем начальстве управляющий торгом не побоялся сказать об этом. В общем, пошутили-посмеялись, о главном сообщают: главврач санатория приглашает в Кутаиси...

...Боже мой, грузины! Стол – длиннющий, посуда – раз пятнадцать, наверное, менялась, коньяк – уже настоящий! – лился рекой. Чувствую, застолье затягивается, а мне в понедельник надо быть на работе. Поделился своими опасениями с главврачом, тот широко улыбнулся и дружески похлопал по плечу: «Не беспокойся, Алексей, будешь!»

Вечером он дал нам с Валею машину, двух водителей. Загрузил в багажник продуктов в дорогу. И без всяких самолетов мы поехали домой: в десять часов вечера выехали из Кутаиси и где-то в семь утра были уже в Ессентуках.

С тех пор мы с Валею уже не расставались...

ШАШЛЫК ДЛЯ «ИВАНА»

Еще одна занятная история началась со звонка Якова Дмитриевича.

– Алексей Наумович, – услышал я в трубке знакомый голос Рудакова, – я приехал в санаторий «Калинин». Через час в твоём распоряжении – знаю, ты меня «подлечишь» так, после чего еще дней двадцать я буду лечиться.

**Ихи́л Мата́тов,
муж маминой сестры Сусанны,
г. Кисловодск, 1936 г.**

**Мой дядя Диби, самый младший брат
отца, и моя бабушка Ожи.**

Во время отдыха.
Нахамие – первый слева,
г. Кисловодск, 1961 г.

Слева от отца: Алик Гилилов, Гриша Ханукаев,
сидят: повернувшись спиной – двоюродный брат Борис Данилович,
лицом – двоюродный брат Юра Билалов,
г. Кисловодск, улица Катыхина, площадка перед домом.

Слева направо: Нахамие и Захар (муж дочки Рафоила – Томор, от которой 4 детей),
г. Кисловодск, 1958 г.

Свадьба Элочки.

Слева направо: Яша Рахамимов, друг детства Гриша Ханукаев, Нахамие, редактор газеты «Кавказская здравница» Измаилов Сема,
г. Кисловодск, 1974 г.

Нахамие (верхний ряд третий слева),
г. Кисловодск, 1961 г.

Слева направо: Захар, Хаво Моисеевна, Нахамие,
г. Кисловодск.

Моя любимая мама
Хаво Моисеевна,
г. Кисловодск,
улица Катыхина, 1957 г.

Хаво Моисеевна,
1969 г.

Мои родители: Хаво Моисеевна, Нахамие.
Мама делает наше дагестанское чудо.

Слева направо: любимая мама, старшая сестра Фира
и тетя Роза – сестра мамы.

Годы службы в армии, одна из поездок сопровождения
Туркестанского военного округа,
г. Ташкент, 1952 г.

Слева: Султан – мой товарищ, секретарь горкома комсомола.

Армия, в швейной мастерской при штабе дивизии,
Туркменская ССР, г. Мары.

Друзья детства.
Слева направо: Гриша Ханукаев, Алик Гилилов и я.

Директор Ессентукского производственного комбината
Иван Иванович Яблоновский.

Слева направо: верхний ряд – Наташа (дочь Лизы и Исяя), Таня,
нижний ряд – Витя (сын Лизы и Исяя), Лиза, Марина (дочь Розы),
Роза (жена Алика).

Свадьба Гены с Леной.
Слева направо: Игорь, Гена, Лена, Славик,
1977 г.

Мое пятидесятилетие, январь 1979 г.

В зале.

В беседке.

Слева направо: юбиляр, двоюродный брат Юрий Агавович
и брат Умаханова,
г. Кисловодск, улица Катыхина.

Мое пятидесятилетие, январь 1979 г.

Отец открывает торжество.

Мама и мой двоюродный брат Юрий Агавович Бабаев (доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки).

Беседка перед домом – обзорная площадка.

Слева направо: верхний ряд – брат Алик, младшая сестра Мила,
нижний ряд – Исай (муж Лизы), сын Игорь и я.

Сестра Мила и племянница Света.

Брат Алик со Славиком и Игорем (справа).

Брат Алик и сестра Мила.

Справа налево: брат Алик с первой женой Надеждой.

Мои дети.

Слева направо: Гена, Славик, Игорь, Элла.

Сестра Лиза,
25 мая 1953 г.

Сестра Лиза.

Сестра Фира.

Сестра Фира с мужем Борисом.

Так, думаю: сейчас двенадцать часов дня. Что могу успеть?

Послал водителя на Ессентукский пивзавод, чтобы он баллончик неброженного пива привез. Сам на мясокомбинат звоню. С Такаевым Саидом Бизбулатовичем, бывшим вторым секретарем Карачаево-Черкесского обкома, а тогда директором комбината, несмотря на солидную разницу в возрасте я был в приятельских отношениях.

– Саид Бизбулатович, – говорю, – организуйте нам чего-нибудь: деликатесов, шашлычку, мы через час уезжаем...

– Деликатесы дам, но шашлыка не будет, – слышу в ответ.

– Почему? – удивился я.

– Не могу. За такое время...

– Ну ты пойми, Саид Бизбулатович, надо!

– А кто еще едет? – спрашивает он через паузу.

– Будет Рудаков Яков Дмитриевич...

– Тогда не вопрос, – он сразу сменил тон, – будет шашлык!

Через полчаса все было организовано: мы с Яковом Дмитриевичем поехали в долину Нарзана: я был с Вале́й, он – со своей женой. На столе столько было всего! Мы хорошо посидели, уже собрались сворачиваться, и тут водитель подал шашлык.

На четверых слопали все шесть килограммов. Жена Рудакова, помню, все восхищалась: «Сколько живу, – говорит, – а такого барашка не ела».

Но мне, честно говоря, после разговора с Такаевым как-то не по себе стало. Я просил – мне он отказал. А когда сказал, кто едет, – сразу дал добро...

Проходит время, встречаемся как-то с Саидом Бизбулатовичем.

– Как, Алексей, погуляли? – интересуется.

– Да все нормально, – отвечаю. А у самого на душе кошки скребут.

– Да-а, – я покачал головой, – Саид Бизбулатович: как я тебя прошу шашлык – так «нет», а если для Якова Дмитриевича – значит «да»? И как это понимать?

Он по плечу меня похлопал:

– Алексей, ты молодой еще, поэтому тебе простительно. Когда ты сказал: «Магомет» не едет, «Иван» едет – я сказал: шашлык будет. Понял?

Как потом выяснилось, на мясокомбинате разделявали молочных поросят на рагу. Из нескольких десятков поросят набрали нам корейку. Я сам был удивлен шашлыком – подобного не встречал по сегодняшний день.

КОЗА НОСТРА

Приходит ко мне как-то девушка одна. И чуть в ноги не падает: «Алексей, помоги!» – «Что случилось?» – спрашиваю. .

Оказывается, ее брата посадили, и друзья посоветовали ко мне обратиться – дескать, я хорошо знаю прокурора Ессентуков. Я действительно был с ним в неплохих отношениях. На следующий день мы с прокурором встретились, и он мне рассказывает.

В то время в стране проводился обмен денег. Один пожилой профессор наменял порядка семи тысяч, спрятал всю сумму на чердаке. А двое соседских мальчишек, играя на крыше, этот сверток с деньгами нашли. Находке, конечно, жутко обрадовались, побежали на вокзал, взяли такси и попросили отвезти их в Кисловодск. Когда стали рассчитываться, таксист обратил внимание, что у ребят полные карманы денег, предложил ребятам, что называется, гульнуть и отвез их в ресторан «Чайка».

Через неделю ребят взяли. Стали деньги пересчитывать – нескольких пачек не хватает. Такую сумму, решили в прокуратуре, за одну ночь они не могли потратить, и тогда тень подозрения пала на таксиста, которого звали Аслан.

Прокурор мне говорит: да ясное дело, его работа.

Скорее всего, Аслан и прибрал деньги, не упустил своего. Но в любом случае после того нашего разговора его отпустили. И после этого Аслан стал моим хорошим знакомым...

Однажды с детьми, Валентиной и ее подругой Линой решили мы съездить в Сочи. За руль я попросил сесть Аслана.

Приехали мы в Дагомыс, в пансионате сняли два номера: один, большой, я записал на Валю – там поселились Лина, дети

и Аслан. А другой, поменьше, – на себя. Мы отлично провели время: купались, загорали. Потом решили съездить на озеро Рица. Вечером возвращаемся обратно – дорогу нам перекрывает стадо коз.

Чабан держал на руках маленького козленка, и пока мы ждали свободной дороги, мой младший сын Гена буквально задержал меня: купи да купи. Ну хорошо, – сговорился я с чабаном на «десятке», бросил козленка в багажник. Возвращаемся в пансионат, говорю Аслану:

– Завтра хороший шашлычок из него сделаем – там килограмма два будет.

– Знаешь, жалко, – отвечает. – Если это коза, лучше не надо.

– Да какая разница: коза, козел?!

– Ладно, – махнул Аслан рукой. – Держи дверь, я посмотрю...

Поднял козленку хвост: точно, говорит, коза. Аслан пошел во двор, нарвал ей травы: коза поела, стала бляеть на весь пансионат. «Вы хоть песни пойте, – засмеялся я, – чтобы не было слышно».

За весь день Аслан не выпил и грамм спиртного – за рулем же был. А вечером не выдержал и набрался прилично. Захмелев, мой приятель взял козу на руки, стал ее гладить, целовать, обнимать. «Брось, – говорю, – ты ее задушишь». В общем, пошутили, посмеялись, да спать легли.

На следующий день мы запланировали поездку в Дендрарий. Утром я встал пораньше, разбудил Гену: «Бери козленка, – говорю, – пошли». По соседству с пансионатом было много частных домов, и с хозяйкой одного из них я договорился, что оставляю ей козленка до вечера. Возвращаемся назад, я Валю бужу – она ни в какую:

– Ну, дай поспать еще!

– Валя, ну пока соберемся, пока доедем...

– Нет, я спать хочу...

– Валя! – говорю. – Да у нас неприятность – Аслан козу изнасиловал...

Она ресницами хлопает, смотрит на меня.

– Ты не веришь? Иди сама посмотри!

Валя побежала в номер к Аслану – а козы-то уже нет!

«Только молчи», – прошептал я Гене на ухо, сжав его руку.

– Надо что-то делать, – я озабоченно посмотрел на Валию. – Номер на тебя записан, уже и паспорт твой забрали, сейчас милиция приедет, разбираться начнут...

Она взбесилась просто:

– Ничего не знаю, поехали в аэропорт!

Даже жалко ее стало, не выдержал я, рассказал все как было. И пошел будить Аслана.

– Аслан, сейчас к нам в номер милиция приходила, паспорт у Вали забрали, она в шоке.

– А что случилось? – он протер глаза.

– Ты что, – кричу на него, – ничего не помнишь?! Ты ведь козу изнасиловал!..

– Ты знаешь, – он посмотрел на меня испуганно, – не помню, пьяный был. Но здесь же и Лина находилась...

– Да Лина спала, пока ты ее насиловал!

...Кое-как он собрался, умылся. Но настроение уже на нуле – пока гуляли по Дендрарию, Аслан сидел в машине и выглядел мрачнее тучи.

Вечером того же дня мы выехали домой. По правде сказать, любил я ночью ездить: дороги свободные, и времени не теряешь – утром уже на месте. По пути заскочили к старушке за козой – Аслан по-прежнему был нем как рыба. Решив поужинать, остановились в каком-то поселке: Аслан пятьдесят граммов выпил и только тогда немного ожил.

– Ты покажи, за что я хоть страдал, – он жалобно на меня покосился.

– Я эту б...ть, – говорю, – из машины доставать не буду...

Ух, и намучился я с этой козой. Домой приехали – она блеять начала, все деревья у нас в саду ошипала. Уж пожалел, что вообще с ней связался, отдал поскорее Лизе, сестре, та забрала козленка для дочки своей.

Вечером Аслан заявляется и снова песню старую заводит: покажи да покажи. Я уж не выдержал: «Ты что, думаешь, у меня тут притон, я эту б...ть выгнал со двора»...

На том бы и делу конец. Но проходит какое-то время, собрались мы как-то с друзьями в кафе «Курзал», и я рассказываю всю историю с самого начала. Вот, дескать, так и так, ез-

дили мы в Сочи, и было у нас приключение с козой. Аслан бурчит: «Да ладно, Алексей, чего ты чушь говоришь».

– Почему чушь? Если я что-то лишнее скажу, ты меня поправишь.

И продолжаю:

– Аслан, помнишь, когда козу взяли, ты сказал: держи дверь, я посмотрю: мальчик это или девочка. Было такое?

Кивает головой:

– Было.

– Ты что сказал – это коза, лучше не будем ее резать, оставим. Было такое?

– Было.

– Помнишь, когда сели пить, ты стал целовать ее. Целовал? Целовал. Утром, когда я пришел к тебе и сказал, что ты изнасиловал козу, ты ответил: а я пьяный был, ничего не помню. Было так? Было. Вечером спрашиваешь: где коза? Я говорю: у меня что, бардак тут, я эту б...ть выгнал со двора. Было?

Он хмурый сидит, но соглашается:

– Было, было.

А в зале смех уже, что ни скажу – все: га-га-га, га-га-га!

– И что я лишнего говорю?

Аслан сидит красный как рак.

После застолья он подошел ко мне: «Алексей, – говорит, – я тебя прошу, больше про козу никогда не рассказывай. Ладно?»

ДЛЯ МЕНЯ РАНГ НЕ ВАЖЕН

Меня все время спрашивали: где ты таких директоров находишь? Дело в том, что ни на одной работе я не был на первых ролях. Но и в подчинении тоже не находился.

Простой пример. Мы с Иваном Ивановичем, моим директором, как-то приехали в Ленинград, в гостинице нам дали билеты в театр. Подъезжаем. Мы опоздали, Ваня остался в машине, а я поднялся в театр, как раз зажегся свет, закончилось первое отделение. Разыскал друзей, досмотрели спек-

такль, меня спрашивают: а где же директор твой? «В машине ждет», – отвечаю. Но это еще что...

Начальник управления местной промышленности Ставропольского края Кондратьев Василий Федорович моего шефа на дух не переносил, все время хотел убрать его с должности. А ко мне относился с уважением и симпатией.

Как-то в Сочи отдыхал Старшиков Георгий Георгиевич – зампред крайисполкома. Все его боялись: не человек был – гроза, вся промышленность ставропольская Старшикову подчинялась. Василий Федорович звонит мне: «Алексей Наумович, поехали к нему», – знал же, что со Старшиковым я на короткой ноге.

Приезжаю в санаторий – Кондратьев и его зам Бинеев встречают меня с кислыми физиономиями. Приглашают они, оказывается, Старшикова в ресторан «Ахун», а тот не идет – жена не хочет.

– Хотите, чтобы пошел? – спрашиваю. – Сейчас пойдет.

И захожу к Старшикову:

– Георгий Георгиевич, до каких пор ты будешь под юбкой? Дай ей команду!

В одну секунду Старшиков поменял свое решение, жене даже высказал: «Не хочешь – оставайся, я пошел».

То есть для меня любой ранг важности не составлял. Почему – я и сам не знаю. Вроде и язык у меня не так подвешен. Но я мог осадить любого, и никто мне замечания не делал.

Из ресторана мы поехали на двух машинах: в одной – я с Василием Федоровичем, в другой – Яблоновский и Георгий Георгиевич с женой.

Кондратьев был уже чуть выпивши.

– Знаешь, – говорит он мне, – я этого Яблоновского хоть завтра могу снять.

– Василий Федорович, мы сейчас выпили, оставим этот разговор...

– Нет-нет, – продолжил он гнуть свою линию. – Ты скажи этому дураку: если он будет так себя вести, я его мигом уберу.

– Василий Федорович, не испытывай мое терпение, еще раз скажешь...

Все равно не унимается.

Я шофера тронул за плечо: «Остановите», – говорю. Чуть ли не на ходу открываю дверь и пересаживаюсь в машину Старщикова.

Кондратьев, видно, перепугался не на шутку, думал, я Георгию Георгиевичу пару слов на его счет скажу. Когда узнал, что разговора между нами не было, так был мне благодарен. И оставил-таки Ивана Ивановича в покое...

А вот еще пример. Я уже в Москве работал, звонит мне как-то Иван Иванович.

– Ты знаешь, Алексей, под меня копают, думаю, снимут скоро. Шульга горкомовскую комиссию назначил.

Выслушал я его внимательно:

– Знаешь, Ваня, не падай духом, не все еще потеряно. Я Успенскому, – а это был министр местной промышленности, у которого, к слову, я единственный со всего Кавказа на пятидесятилетия гулял, – позвоню, он в Железноводске сейчас отдыхает.

– Виктор Константинович, – звоню министру, – в Ессентуках над комбинатом тучи сгустились, Шульга направил то-варищей...

– Хорошо, завтра приеду, во всем разберусь, – последовал ответ.

Тут же Успенский связался с секретарем горкома.

– Я на следующей неделе, – сказал он Шульге, – назначаю совещание, приглашаю всех руководителей Северного Кавказа. Чтобы на примере Ессентукского производственного комбината...

И так далее, и тому подобное...

В общем, на совещании том Успенский на такую высоту поставил Ивана Ивановича – просто чудо оказался, а не директор. И, конечно, на следующий день Шульга свою горкомовскую комиссию отменил.

РОКОВАЯ ОШИБКА

В 1975 году в Москве была проведена реорганизация: Министерство легкой промышленности разделили на два министерства: легкой и текстильной промышленности. За легкой

– остались швейная промышленность, фарфор, кожевенное производство. К текстильной – отошли камвольно-суконные, ткацкие и трикотажные фабрики.

В связи с этим в главке Второго российского промышленного швейного объединения образовалась вакантная должность заместителя начальника главка.

С Зиняковым Василием Степановичем, начальником того главка, мы были хорошо знакомы. В свое время я даже выручил его...

Как-то приехал к нему – жалуется: «Хана мне, на коллегии первый вопрос – выполнение плана II Росшвейпрома». Тогда его наверняка бы с работы турнули. Но я обратился к заведующему канцелярии Совета министров РСФСР Юрьеву Владимиру Павловичу, который был моим близким другом, тот позвонил министру легкой промышленности. И с повестки дня вопрос был снят.

И вот, после того как произошло разделение министерств, Зиняков мне сообщает: есть должность. Сначала, честно говоря, я подумал: кисловодский воздух, родители рядом, на работе я как рыба в воде – да мне эта Москва до одного места. А потом прикинул: ну, ради детей... В общем, дал добро.

Однако сам Зиняков решить ничего не мог, он себе заместителей не назначал. Вся верхушка главка определялась в ЦК: должность начальника – утверждалась, его заместителей – согласовывалась. Меня представлять должна была зам. министра по кадрам Поселенникова, с которой у меня сложились прекрасные отношения. Будучи в Москве, я с Поселенниковой встретился.

– Алексей Наумович, разговора нет, – говорит, – если хочешь, принимай должность. Как с квартирой только?

– Мне квартира не нужна.

– Тогда не вопрос – пиши заявление.

И уже через месяц меня пригласили на коллегию Министерства легкой промышленности.

Перед тем как выехать в Москву, первым делом я позаботился о Вале – от Управления местной промышленности Ставропольского края отправил ее на учебу в институт, который находился в Тарасовке.

После утверждения на коллегии с Зиняковым приехали в главк, оформил две недели на переезд. После всего показал решение коллегии Ивану Ивановичу. Для него мое решение стало громом среди ясного неба.

– Ты что, рехнулся? – он едва ли не накричал на меня. – Оставить семидесятилетних отца и мать!..

Спустя годы я и сам понял, что зря в Москву переехал. Теперь могу сказать определенно – это была моя самая большая ошибка в жизни...

ВЫЙТИ СУХИМ ИЗ ВОДЫ

Мой друг – ректор Мясомолочного института Янушкин однажды попал в дикий переплет.

У него в институте работал профессор, который просто спал и видел, что станет зав. кафедрой. Янушкин как-то пообещал ему это место, да слова своего не сдержал, и профессор стал клепать на Янушкина в Мосгоркомитет, дело дошло до того, что назначили комиссию даже...

Янушкин попросил меня помочь, я пошел к Филатову, тот позвонил кому надо, и через пару дней дело накрылось медным тазом.

Но проходит время. И за Янушкина берутся уже всерьез.

Он позвонил мне из пансионата «Вороново». «Знаешь, – говорит, – опять на меня волна пошла. Умные люди подсказали, чтобы сюда на две недели ехал...» И попросил его провести.

Вскоре снова все затихло, Янушкин продолжал работать. И об этой истории не следовало бы вспоминать, если бы не одно «но»...

Моего шефа вызвали как-то в министерство. Я в тот день отъехал куда-то по делам, возвращаюсь – на нем лица нет.

Встретив меня, Зиняков попросил к нему зайти, закрыл дверь кабинета и, тяжело вздохнув, сказал:

– Вызвали на партком. Говорят, могут исключить из партии.

– А что случилось? – спрашиваю.

Оказывается, он был в Курске у секретаря местного обкома. Сидели разбирали план. И тот как бы невзначай обронил: вот, дескать, прејскурант на дубленки получили новый: стоили они двести сорок рублей, а теперь указ вышел – все четыреста восемьдесят будут стоить, сто процентов наценка. «А я, – оживился Зиняков, – как раздумал себе и жене по дубленке купить».

Секретарь обкома тут же звонит в Потребсоюз, дает команду, и Зинякову приносят две дубленки. За которые он расплачивается по старой цене.

На следующий день мой шеф собирает областное совещание, вызывает на него всех директоров швейных объединений и одному из них устраивает разнос. Мол, если не поправишь положение, если не будет выполнения плана, я тебя с должности сниму к такой-то матери...

Затем Зиняков уезжает в Москву. А этот директор объединения пишет на него заявление в отдел легкой промышленности ЦК: мол, Зиняков ведет себя неподобающим образом, дубленки взял... И так далее, и тому подобное.

Зав. отделом легкой промышленности на дух не переносил Зинякова – они когда-то работали вместе, однажды у них чуть до мордобоя дело не дошло. И этим заявлением он решил воспользоваться по полной программе. Докладывает Мочалину – тот в ЦК курировал промышленность и торговлю. Мочалин собирает совещание министров и толкает пламенную речь. Есть, говорит, такие начальники главков, которые ездят в командировки и, вместо того чтобы решать производственные вопросы, приобретают себе дубленки, которые были предназначены для передовиков сельского хозяйства. Нет таким места в партии!..

В финале вызывают Зинякова в министерство, и секретарь парткома сообщает «радостную» весть: дана команда исключить тебя из партии.

Да, тяжелая ситуация, думаю.

– Вася, – говорю, – сходи сначала к министру, может, он чего посоветует. Потом обратиться к Филатову...

Пошел Зиняков к министру – выясняется, что тот в больнице. К Филатову – этот разводит руками: я против Мочалина, мол, ничего не могу.

Что делать? И тут я вспомнил Янушкина, вспомнил «Вороново», где тот отдыхал.

– Значит так, – говорю Зинякову, – езжай домой, ложись в постель и вызывай врача...

Сам же решил навестить Янушкина.

– Николай Петрович, – напомнил я ему про «Вороново», – скажи мне, как тогда дело уладилось?

– Ты знаешь, – отвечает, – мне Петросян помог, директор ресторана «Огни Сочи».

– Каким образом?

– Он помощника Брежнева знает – Геннадия Даниловича Бровина...

Набираю Сочи:

– Генка, – говорю Петросяну, – ты мне срочно нужен, есть вопрос, посоветоваться надо.

– Хорошо, – говорит, – завтра вылетаю.

На следующий день я встретил Петросяна в аэропорту, привез к себе домой: мы с ним посидели, выпили.

– Алексей, – выслушав мой рассказ, Петросян озабоченно вздохнул, – ничего не могу тебе обещать, пока не встречу с Бровиным.

Но все обернулось более чем удачно. Геннадий Данилович позвонил Мочалину, сказал: так и так, это земляк Леонида Ильича, он молодой, пусть трудится...

И все – вопрос отпал. Через неделю Зиняков выходит на работу – как будто ничего и не было. Да и министр, который моего шефа никогда близко к себе не допускал, вдруг к нему переменялся. Понял, наверное, что не все так просто. Что есть рука у Зинякова и в самых высших структурах власти. Если даже после такой заварухи сухим из воды вышел.

ОБИЖЕННАЯ ПРИМА

После того случая мы с Бровиным стали очень тесно общаться. Никогда не забуду, как однажды в «Славянском базаре» отмечали его день рождения.

Мы с Валею тогда чуть припозднились. Подъезжаем к ресторану – Бровин в вестибюле стоит, ждет нас. С ним знаменитая прима-балерина Софья Головкина – в ту пору она возглавляла хореографическую школу при Большом театре. А рядом муж ее – бывший полковник, он лет на двадцать был моложе своей супруги.

Когда мы подошли, Головкина бросила недовольный взгляд на Валею. Та еще девчонкой совсем была: простенькая, без косметики.

«Господи, – казалось бы, говорили глаза стареющей приемы, – кого я ждала!»

Я – ни словом, ни взглядом. Но мимо ушей ничего не пропускаю.

Поднялись мы наверх, сели за стол, я поднимаю тосты за здоровье именинника, за жену его, за детей. А потом говорю:

– Как приятно посмотреть на эту пару – и поворачиваюсь к Головкиной и ее мужу. – Они ведь за одной партой сидели. Как же хорошо она его сохранила! Вот у меня, – перевел я взгляд на Валею, – обратная ситуация. Мы с женой тоже за одной партой сидели. И видите, что со мной стало...

Вот так поддел ее. За то, что недружелюбно посмотрела на мою Валею.

ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ

Вообще знаком я был со многими высокопоставленными чиновниками. И тут никакого секрета нет – все они когда-либо отдыхали в Кисловодске. Как, например, Старовойтов Александр Афанасьевич – генерал-лейтенант, руководитель службы ЦДА.

Старовойтову я мог позвонить в любое время, и в два часа ночи не раз с постели поднимал.

Однажды из Сочи я решил улететь тремя днями раньше намеченного. Был конец августа, самая горячая пора – в кассах, понятное дело, пусто. В Сочи у меня знакомых масса, в том числе и высокопоставленных. И даже несмотря на это билетов я достать не смог.

Делать нечего – звоню Александру Афанасьевичу: так, мол, и так, выручай, не могу улететь.

«Перезвони, – отвечает, – через час, что-нибудь придумаем».

Перезваниваю.

«Пойдет дополнительный рейс Москва–Сочи, я дал команду – можешь оформлять билеты», – такого ответа, признаться, я не ожидал.

А еще был эпизод, когда я вылетал на совещание в Краснодар. Рейс задерживался, мы коротали время в кафе. Тут объявили вылет на Минводы, мы решили лететь туда, а оттуда уже добираться на машине в Краснодар. Заходим в служебное помещение ЦДА, я набираю номер Старовойтова.

– Надо бы в Минводы улететь.

Александр Афанасьевич говорит: «Передай трубку работнику аэропорта».

– Ну, как я их могу посадить? – Выслушав команду начальника, тот, бедный, аж вспотел. – Им надо помогать ноги переставлять...

– Переставляй им ноги, но в Минводы отправь, – последовал ответ.

КОМЕДИЯ ЭФРОСА

Под Кисловодском в свое время находился конезавод, с генеральным директором которого – Эфросом Михаилом Нисоновичем, большим оригиналом, юмористом и ходячей энциклопедией – мы сильно сдружились. Не было и дня буквально, чтобы с ним не виделись. Секретарь крайкома Лыжин, помню, шутил даже: у Эфроса рабочий день начинается в 5:30 – до семи утра с выезда к Алексею, а в 17:00 он возвращается на работу принимать сводки.

Как-то Михаил Нисонович попросил меня: «Алексей, мне на побережье, в районе Сочи, надо базу отдыха открыть. Помню, ты меня с Силенко и Баликовым как-то знакомил, ты там свой человек, думаю, не откажешь...»

Разумеется, отказать Михаилу Нисоновичу я не мог. Позвонил секретарю центрального района Сочи Силенко, тот нас в Адлере встретил с неброженным пивом и рыбкой. Мы как следует посидели, решили вопрос с базой и благополучно вернулись в Кисловодск.

А в Кабардино-Балкарии нас с Эфросом принимали уже его коллеги. Длинный стол буквально утопал во всевозможной зелени – самые изысканные блюда были попросту не видны из-за кинзы, тархуна, черемши. Оглядев все это зеленое великолепие, Михаил Нисонович спрашивает у своего зоотехника: «Ну, Хиса Алиевич, чего тебе здесь не хватает?» Тот почесал затылок и выдал: «Уздечки».

Спустя некоторое время этот самый Хиса Алиевич приезжает ко мне на работу. Ни слова не говоря, ставит на стол здоровенный сундук, открывает его. Чего там только не было: целый ягненок, зелень, лаваш, сыр. Сели мы с ним, выпили.

– Я просил Михаила Нисоновича, – начал разговор Хиса, – помочь мне в сельхозинститут поступить. Все-таки главный зоотехник, а диплома нет – неудобно. Михаил Нисонович посоветовал к тебе, Алексей, обратиться.

Я еще одну стопочку выпил, говорю:

– Хиса Алиевич, если бы я раньше знал, что так можно поступать в учебные заведения, моя мама давно бы уже доктором наук стала.

Зоотехник вернулся на завод. «Ну, что тебе сказал Алексей?» – Спросил его Михаил Нисонович. Тот рассказал, как дело было. Эфрос не выдержал – расхохотался.

«А что не так, Михаил Нисонович?» – зоотехник явно не понял юмора. Так после этих слов Эфрос, как он мне потом рассказывал, от смеха чуть со стула не свалился...

Впоследствии Михаила Нисоновича перевели в Москву. Сначала в Министерство сельского хозяйства СССР, где он заведовал отделом конного экспорта – Михаил Нисонович неплохо владел английским и немецким. А затем Эфрос возглавил Московский ипподром, и мы не раз из его ложи наблюдали вместе за скачками.

ПРАВО РУЛЯ!

С заведующим Бюро жалоб при ЦК КПСС Филатовым отдыхали как-то в Кисловодске.

– Алексей, – говорит он мне, – чего это у тебя машина «скушает», перегони ее, на выходные на рыбалку будем ездить.

А у меня действительно «Волга» в гараже застряла, целый год не мог перегнать ее в Москву. В общем-то, и надобности особой не было – служебная машина всегда под рукой. А когда все-таки решился, понял, что сделать это будет весьма проблематично. «Волга» моя уже была снята с учета, год простояла без номеров. Временных номеров у меня нет. И что делать?

По возвращении в Москву Филатов позвонил начальнику ГАИ СССР Лукьянову и условился о нашей с ним встрече.

– Да о чем разговор! – выслушав меня, воскликнул тот. – Какой номер хочешь? Дать тебе нули?

С нулями считался блатной номер.

– У меня, – говорю, – двадцать четвертого день рождения. Вот если бы «два нуля двадцать четыре»...

– Какие проблемы! Все, вопрос решен!

Сказано – сделано: уже на следующей неделе на Солянку мне привезли номера и техпаспорт. Притом это были не просто бумажки, а с резолюцией «без права проверки, способствовать передвижению», подписанной Лукьяновым лично. Кроме того, мне выдали удостоверение «Внештатный сотрудник ГАИ», которое подписал начальник московского ГАИ Ноздряков. И документы эти, честно говоря, не раз меня выручали...

С Петросяном – директором ресторана «Огни Сочи» – выпивали как-то по случаю рождения внука.

– Как выглядит хоть? – спрашиваю после пятой рюмки.

– Да я его даже не видел.

– Ты что, – изумился я, – того, что ли?! Живо поехали!

По дороге нас тормозят: «Ваши документы».

Одного лишь взгляда хватило сотруднику ГАИ, чтобы понять все. Вернув мне документы, он взял под козырек и отчеканил: «Езжайте дальше».

Вот что эти бумажки значили.

СВИДЕТЕЛЬНИЦА НОЧНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

В один прекрасный день звонит мне Бровин: «Алексей, ты мне нужен».

Я предупредил шефа, что уезжаю, встретился с Бровиным. Мы с ним поехали в один подмосковный пансионат, замечательно провели там время, в сауне попарились. Вдруг звонок – Бровина просят подойти к телефону.

– Алексей, – сказал Геннадий Данилович, вернувшись в парилку, – давай одеваться. Я тебя прошу, надо ребят одних «укатать».

Кто-кто, а уж он мои способности хорошо знал.

Приезжаем – человек десять за столом сидят. Я сразу вожжи в руки – за Геннадия Даниловича, конечно, первым делом. И потом еще штук пять тостов подряд вкатил – не давал ребятам ни сесть, ни закусить. Так зажег, что некоторые вскоре «под столом» оказались.

Где-то в час ночи за нами приехали цэковские машины, чтобы развезти под домам. Но я попросил водителя подбросить меня на Солянку, а там пересел в свою машину.

На Каменный мост въезжаю, чтобы выскочить на Набережную, – свисток. Может, я чуть вильнул, а может, просто поздний час, вот и остановили. Притормаживаю...

Сотрудник ко мне подошел, хотел было что-то сказать, да осекся – перегаром от меня несло, словно из дымохода, за версту. Без лишних слов гаишник открыл дверцу моей машины: «Двигайся», – говорит. И за ключи сразу.

Я и не думал с ним спорить: ничего не показывал, ничего не доказывал – вообще ни слова не сказал. Ну, пьяный – чего

показывать-доказывать. Да он меня ни о чем и не спрашивал – взял да и привез в какое-то учреждение.

Заходим – там люди в белых халатах. Ага, чтобы освидетельствовать, прикинул я. Подсел к женщине-врачу, разложил перед ней свои документы. Пока она их рассматривала, я взял ручку и бумажку, написал номер своего рабочего телефона, внизу чиркнул: «Спасибо». И положил ей на стол...

В освидетельствовании врач пишет: «...ранее выпитые пары... не наказуемо» (в то время такой порядок был) – и показывает справку начальнику. Все, больше ко мне вопросов быть не могло.

Я подошел к майору.

– Отвези домой, – говорю.

– А как я назад вернусь? – тот посмотрел на меня с недоумением.

– Боже мой, тебе ли об этом думать? Позвони – за тобой мигом приедут.

Был уже третий час ночи: майор сел за руль, отвез меня домой. Когда приехали, я еще уговорил его подняться ко мне, Валя достала бутылочку: сели мы с ним, врезали...

Это был четверг.

А в пятницу сижу я на работе, вдруг раздается звонок.

– Здравствуйте, – на другом конце провода зажурчал приятный женский голос. – Это свидетельница вашего ночного происшествия... Я, – говорит, – в субботу утром сменяюсь. В двенадцать встретимся у метро?

– Хорошо, – отвечаю, – договорились...

А в субботу утром ко мне зашел старый товарищ – Ольшевицкий Ким Алексеевич, он в ту пору возглавлял Управление мясной промышленности Московской области. Принес трехлитровый баллон замаринованного шашлыка. Сели мы за стол, и я рассказываю ему эту историю.

– Слушай, – говорю, – вчера эта женщина позвонила, мы назначили встречу. Не пойти неудобно. Но вот беда – я ее не помню совершенно.

– Так она же тебя узнает! Идем!

Оставили мы шашлыки недожаренными, вышли из подъезда – и к метро.

...Подходит. Приятная такая. Молодая. Так и так, говорю ей, я тут рядом живу, может, пройдем? Она смутилась: ой, неудобно, я не так одета. И все равно забрали ее, познакомились...

Такая вот история.

НЕЖНЫЙ ВОЗРАСТ

Чем и могу гордиться в этой жизни, так это своими детьми. В этом плане, я считаю, мне крупно повезло.

Отец мой очень трудолюбивый был и всегда показывал пример своим внукам, зажигал в них эту искру. Скажем, обычно в праздники мы всей семьей отправлялись куда-то отдыхать, и мои дети очень ждали этого момента. Но в то же время знали: не поедем мы до тех пор, пока они не наведут порядок в своих комнатах.

Один раз только дети меня неприятно удивили.

Мы были в Сочи, проводили две недели на Черном море. В один из дней я оставил детей в гостинице, сам же отправился на рынок. И когда вернулся в номер, не поверил собственным глазам: на столе были разбросаны арбузные корки, а дети сидели, игрались и на беспорядок ну просто ноль внимания.

«Как вам не стыдно! – говорю. – Вы покушали, а убирать за вами кто будет?»

Но они, видно, посчитали, что в гостинице не надо за собой убирать – за них все сделают. Такой разгон им устроил! И после этого не было случая, чтобы кому-то из них я сделал хоть малейшее замечание.

Мой сын Игорь просто поражал меня своей чистоплотностью: всегда тщательно следил за своей одеждой, иной раз даже переделывал ее собственноручно. Как-то вечером, помню, взял свои брюки и, пока все отдыхали, сам их сузил, погладил и повесил на вешалку.

Утром просыпаемся – крик на весь дом.

«Что случилось?» – спрашиваю. Игорь показывает свои брюки – а они как были мятые, так и остались. Оказалось, по ошибке он погладил брюки своего брата, Славика, у них один размер был.

– Нет, – кричит Игорь, – это ты специально мне их подсунул!

– Ну ладно, – Славик спокойно отреагировал, – бери мои. Но тот из принципа надел свои мятые...

Не погрешу против истины, если скажу, что Славика моя мама любила больше всех. Постоянно давала ему деньги на книжки, поощряя тем самым его страсть к чтению. Порой ведь до смешного доходило. Как-то Славик гладил себе брюки: утюг включил, на ногу себе его поставил – ждал, пока нагреется, а сам за очередную книжку взялся. И до того увлекся чтением!.. Опомнился – только когда утюг и брюки прожег, и на ноге отпечаток оставил. Другой раз без спроса взял сто рублей и пошел на вокзал за новой книжкой. Продавщица видит, что маленький совсем – Славику тогда лет девять было, – спрашивает: «Где деньги взял?»

Разобиделся не на шутку, кричит: «Отдайте обратно!» Женщина не отдает: ни деньги, ни книжку. Славик пришел домой, маме жалуется: «Мне продавщица деньги не отдает, пойдем заберем их». Жалко, понимаешь, ему денег стало...

А как-то в ванну захожу – Славик там физкультурой занимается. И до чего додумался – взял какую-то палку, с одной стороны два кирпича к ней подвесил и с другой два. Получилось нечто вроде штанги, вот он в ванной ее и тягает. А увидел, что я смотрю – застеснялся.

«Славик, – говорю, – кто же тебе запрещает, давай я тебе штангу нормальную куплю. И разве можно в ванной это делать, надо на свежем воздухе».

С Геной же другой случай вспоминается. В одно из воскресений поехали мы в Нальчик – от Кисловодска это полтора часа езды. Едем по дороге – впереди мостик хиленький показался. Водитель остановил машину: сейчас, говорит, посмотрю, можно ли по нему проехать.

«Подожди-подожди, – Гена кричит ему вслед, – я тоже с тобой пойду».

Через минуту водитель вернулся за руль: все нормально, мол, проедем. А клоп этот заупрямился: «Нет, вы проезжайте, а я пешком мостик перейду. Тогда и сяду в машину».

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИСТЫ

Должен признаться, родительские собрания в школе я не посещал. Не только потому, что времени было в обрез – из командировок, действительно, иной раз не вылезал неделями. Просто не о чем было беспокоиться – учились мои дети всегда хорошо.

И Славик, и Игорь окончили школу с золотыми медалями. Чтобы поступить в институт, им достаточно было сдать по одному экзамену, и за этим дело не стало. После окончания вуза Славик учился в Ялте – в очной аспирантуре единственного в Союзе Института виноделия. Затем получил направление в Тихорецк, на местный винзавод.

Игорь окончил аспирантуру в Московском мясомолочном институте. Защитился, получил направление в Краснодарский край – его назначили директором Анапского мясокомбината.

Гену после окончания Мясомолочного института направили работать на Ессентукский мясокомбинат. А моя дочь Эллочка, окончив Пятигорский фарминститут, получила направление в Кисловодск.

Все ребята мои заняли хорошие должности, все в люди выбились. Элла работает в аптеке, вышла замуж, двое детей у нее: Оля и Стасик. Ее дочка, кстати, первая сделала меня прадедом.

Славик возглавил Тихорецкий винзавод, два сына у него: Алеша и Аркаша. Гена в Луховицах организовал колбасное предприятие, и у него двое детей: Андрей и Юля. А Игорь также отец двоих сыновей – Сережи и Жени.

Мои прекрасные внучки и внуки все имеют высшее образование. А Игорь в Москве и вовсе сделал блестящую карьеру. Когда в конце восьмидесятых директор Черкизовского мясокомбината снял свою кандидатуру, на его должность было два претендента: Левкин А.А. из «Мосмясо» и Игорь, который работал на комбинате главным инженером. Левкин,

помню, смеялся все: никогда бы, говорит, не подумал, что придется с мальчишкой тягаться – ведь Игорю в то время не было еще и сорока. Но в итоге Левкина прокатали, а Игоря выбрали. И мясокомбинат, который производил только вареную колбасу, и не более ста тонн в день, теперь является крупнейшим предприятием мясной промышленности – выпускает триста тонн в день, причем самой разнообразной продукции.

СВАДЬБА ПОД ДОЖДЕМ

Славик еще учился в аспирантуре, когда вдруг надумал жениться. Я дал добро, мы поехали в Махачкалу на сватовство, назначили дату свадьбы. И вот этот день настал.

Свадьбу решено было играть у нас. Соорудили навес во весь двор, для чего на участке пришлось вырубить часть деревьев, натянули палатки. Исай Викторович, муж моей сестры Лизы, тем временем поехал за невестой в Махачкалу.

Только начали готовиться к свадьбе, как вдруг погода резко стала портиться, и вскоре грянул сильнейший ливень! Десять человек едва успевали палками сбрасывать воду с шатров. Бочка с пивом, которую мы во дворе поставили, столы, мангалы – все намокло моментально.

И тут звонок – оказывается, невеста и ее родственники добрались уже до Пятигорска и вот-вот будут у нас. Что делать – ума не приложу.

«Исай Викторович, – говорю, – куда хочешь вези их, но задержи часа на полтора-два».

Сам-то я уже понял, что свадьба во дворе не состоится. За два часа найти зал на двести человек и все организовать не так уж просто, но я договорился с одним рестораном, официантов уже взял... Как вдруг ливень так же внезапно прекратился.

Вообще для Кисловодска это вполне обычная ситуация. Город расположен на высоте девятьсот сорока метров над уровнем моря: как только дождь заканчивается, вода тут же стекает, и сразу становится сухо...

И вот родственники невесты приезжают – во дворе цветы стоят, все сухо, солнечно, как будто ничего и не было. Свадьба прошла отлично, гудели до утра...

ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ

Так уж повелось в нашей семье и у моих друзей, что в мой день рождения – двадцать четвертого января – все мы собирались за одним большим столом.

Для меня абсолютно было неважно: будни ли, выходной – свой день рождения в обязательном порядке я отмечал только в Кисловодске. Что удивительно, никого никогда на свой праздник не звал. А приезжал домой – и каждый раз заставлял своих родных и друзей. Они сами считали своим долгом в этот день поздравить меня лично и приезжали со всех концов страны: из Сочи, Краснодара, Новороссийска, Ташкента...

...Пятидесятилетие. Самая счастливая пора в нашей семье. Во главе с отцом и матерью все дети, внуки и правнуки. Вся родня в сборе...

На работе знали, что двадцать четвертого в Москве меня не будет, поэтому пришли поздравлять на день раньше. Заминистр Мельников заглянул – вручил грамоту, подарок. Мы посидели в комнате отдыха, отметили...

А в семь часов в зале гостиницы «Интурист» собралось человек тридцать. За столом лиц друг друга не было видно – каждый в знак уважения приносил по пятьдесят одной розе, и получилась целая стена из цветов.

Прямо из ресторана мне нужно было выезжать в аэропорт. Но рейс задерживался. Одна знакомая, она работала в депутатском зале, едва ли не через каждые полчаса мне докладывала: «Алексей Наумович, можете продолжать, рейс опять отложили». И хоть ресторан закрывается в двенадцать ночи, просидели мы с друзьями где-то до половины первого.

Но вот она позвонила: «Пора вылетать». Мы с Валею взяли несколько тортов «Птичье молоко». Это и был весь наш груз.

В Минводы прилетели около пяти утра. В аэропорту взяли такси, приехали на железнодорожный вокзал – отсюда до Кисловодска электричка ходит. Смотрю: ба! на перроне человек восемь моих друзей стоят, в том числе и Геннадий – управляющий ресторанами и кафе Краснодарского края, которому Тарада, секретарь Краснодарского крайкома (сам он приехать не смог), поручил поздравить меня и вручить подарок. Пока доехали до Кисловодска, был сказан не один тост...

Домой мы приехали в начале седьмого: сразу столы накрыли, посидели как следует. А затем отправились в гостиницу «Кавказ», где остановились мои друзья, пообедали в ресторане «Чайка». К пяти часам вечера возвращаемся... А у меня гостей полон дом.

Всю ночь музыка играла, тосты сменяли друг друга непрерывной чередой, лишь под утро гости стали разъезжаться. Едва решил передохнуть, все-таки две ночи не спал, как мой брат двоюродный Юра с братом секретаря обкома Дагестана Умахановым пожаловали. И как засели снова! И опять музыка, опять тосты, опять звон бокалов.

Часов в десять вечера пошли их провожать – ну, думаю, теперь уж точно выплусь. И вдруг звонок. Поднимаю трубку – Лида, жена Игоря...

– Папа, Игорь разбился...

Мать сразу в слезы, кричать стала, волосы на себе рвать. Падает мне в ноги: «Я с тобой поеду».

Я попросил соседа сесть заруль – сам не в состоянии был. До Армавира, где работал Игорь, сто восемьдесят километров, а на улице пурга, снег валит вовсю, не видно ни зги. По дороге сами чуть в аварию не попали...

Приехали около трех часов ночи, Лида открывает дверь.

– Папа, его только из больницы привезли.

– Руки-ноги целы?

– Целы.

Захожу к Игорю в комнату – храпит. Я обнял и поцеловал святую маму свою – она же Игоря воспитывала...

И опять мы сели пировать. Пить и рюмки бить! Да так, что чертям в аду тошно стало! И это с Лидой, которая и ста граммов в жизни, наверное, не выпила!

Немного отошла она от шока, рассказывает: двадцать пятого января Игорь собирался в Краснодар на совещание. Он сел на переднее сидение. Парторг, который также должен был выступить с докладом, – на заднее. Они ехали по трассе, с проселочной дороги вылетела машина...

Игорь сразу потерял сознание. Парторг – молодой парень – тоже не избежал удара, но нашел в себе силы выйти из покореженной машины и остановить попутку. Но только пересадил Игоря и отправил его в больницу, как тут же упал за смертью...

А Игорь потом с сотрясением мозга месяц с лишним пролежал в больнице.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, Я РОДИЛСЯ ЛЕТОМ

Свое шестидесятилетие я также встречал в Кисловодске, с родными и друзьями. А через пять лет, накануне шестидесятипятилетия, уехал из Москвы, свой юбилей отмечал в Париже, в самом тесном кругу. И после этого уж никогда больше не праздновал широко собственные дни рождения. Однако когда стало приближаться мое семидесятилетие, дети насели на меня всерьез:

– Папа, как это так?! Такую дату нельзя не отметить!

Я продолжал гнуть свою линию, твердо сказал: не буду.

– Ладно, – говорит Игорь, – тогда я покупаю билеты тебе, Вале, Кате. И встретимся в Африке!

Когда мы приземлились на острове Святого Маврикий, я, честно говоря, немного опешил. На улице тридцать два градуса, вода – плюс тридцать. Вот тогда я впервые понял, что родился не зимой, а летом.

И вот наступил третий день нашего отдыха. С Вале и Катей решили погреться на солнышке, пошли на пляж. И вдруг... О боже – родные лица! Я не верю своим глазам – к нам подходят моя сестра Мила и ее муж Вова.

Вот такой Игорь для меня сюрприз приготовил! Это же надо, думаю, обратная сторона полушария, а напротив меня – сестра. У меня аж в глазах потемнело...

«ТОЛЬКО НЕ УЕЗЖАЙ!»

Общение, должен сказать, великая вещь. Люблю, когда за столом тесно, когда раздается звон бокалов, когда вино льется рекой, когда тебя окружают родственники, старые и верные друзья. Еще и поэтому в очередной раз хочу мысленно вернуться в Кисловодск. В свой родительский дом...

В былые времена едва ли не через день у нас в беседке – а там место очень красивое, с видом на реку – за столом собиралось более десяти человек. Как-то, после очередного шумного застолья, мама подошла ко мне.

– Алешенька, – она виновато улыбнулась, – я иной раз устаю даже. Реже друзей собирай, меньше пить будете...

А однажды я задержался в командировке, дней пятнадцать меня дома не было. Естественно, когда вернулся, у нас собрались друзья. Обычно во время застолий они произносили тосты за мою маму, за Хаво Моисеевну всегда пили стоя. В этот раз мама встала сама. Подняла бокал. Все замерли...

– Я иной раз говорила: сыночек, ты скорее уезжай, я хоть отдохну немного. А теперь хочу сказать: Алешенька, никогда не задерживайся. Сейчас вот не было тебя – первую неделю еще звонили. А во вторую неделю уж и звонков не стало. И так я заскучала... Алешенька! Сынок. Лучше я уставать буду, готовить буду, подавать буду. Только ты не уезжай...

СЕКРЕТ МОЕЙ МАМЫ

Если скажу, что мама вкусно готовила, – считай, не скажу ничего. Мама готовила так, как, по-моему, не готовил больше никто.

По возможности я матери помогал, ходил с ней на рынок. Честно говоря, раньше мне казалось, она ко мне придирается. Что ни принесу – ответ один: «Что ты купил?!» Но вот загадка: у меня груша улыбается, красивая, а не укусишь. А у нее – без слез не взглянешь, сам бы такую в жизни не взял. А в рот возьмешь – чистый мед.

Помню, на рынке у нас кабардинцы по рублю очень хорошие помидоры продавали. Подошел как-то к одному: «Давай все зеленые у тебя заберу». Тот обрадовался: «Зеленые, – говорит, – забирай по шестьдесят копеек».

Обычно ящиков семь у него наберу, отвезу домой. Мама солит эти помидоры. Не в банках причем, а в бочках. Помощник министра торговли РСФСР Резников, когда я собирался в Кисловодск, всегда меня просил: «Алексей, пожалуйста, привези мне штук пять маминых помидоров». Настолько они вкусные были.

А чеснок! В мамином исполнении это же просто сказка была, а не чеснок! Помню, Фокин Николай Данилович – управляющий консервной промышленностью Ставропольского края – как-то привез нам полмашины чеснока, чтобы мать его засолила. Посмотрела она на тот чеснок, покачала головой. «Я тебя прошу, – говорит, – забери его, я тебе пару своих баллончиков дам».

Она солила только молодой чеснок. И если на столе был мамин чеснок, все на него набрасывались, по головке за раз съедали.

НАДО МЕНЬШЕ ПИТЬ!

Но вот парадокс – при всех кулинарных талантах моей мамы папа последние годы дома вообще не обедал. Всем ее разносолам, как ни странно, он предпочитал морковную котлету из вегетарианского меню ближайшей кафешки. Мясо отец не ел категорически.

Дома папа только завтракал, после чего обычно уходил гулять в город. Вечером возвращается – мама голубцов нагото-

вит, ждет к столу. Так он возьмет две-три штучки и несет собаке – угощать. Мама, помню, все время возмущалась: «Что ты делаешь?!» В ответ отец лишь улыбался: «Это моя порция, – говорит, – ты ее не трогай».

Вообще своему питанию отец уделял, можно сказать, повышенное внимание. Во всех газетах любимой у него была рубрика о вкусной и здоровой пище. Прочитает, вырежет понравившуюся статью – нам принесет: «Смотри, Алеша, сахар – это вредно». Или: «Алеша, меньше пей, почитай, тут так и написано».

Как-то ко мне приехали гости: мама накрыла на стол, пригласила их. Я же по хозяйству на минутку отошел.

– Алексей! – слышу голос одного из друзей. – Ты нас что, травить привез?

– Что случилось? – спрашиваю.

Товарищ подозвал меня к столу и показывает. Под одной из бутылок водки он нашел журнальную вырезку с карикатурой: нарисован пьяница, которому на голову со страшной силой давит бутылка. А под рисунком подпись соответствующая: «Алкоголь – вреден!»

Я сразу понял, чьих это рук дело. И действительно – оказывается, папа вырезал из «Огонька» карикатуру и положил ее на стол...

Часто отец повторял, что водка меня погубит. Да только что толку! Помню, делали ремонт дома. Когда закончили, я решил угостить рабочих водкой.

– Ты знаешь, – напутствовал меня отец, – ты им отнеси, а сам не пей.

– Конечно, папа, – отвечаю.

Взял с собой три бутылки, закусь. Мы выпили, получилось по бутылке на брата. Возвращаюсь к отцу – встречает меня похвалой:

– Вот так, сынок, всегда и делай.

– Папа, – не выдержал я, – неужели я такой дурак?

– А что?

– Помнишь, – говорю, – я три бутылки понес? Так одна – здесь, – и показываю на свой живот.

– Тьфу ты! – только и смог он выговорить. Развернулся и ушел.

Когда же отец понял, что со мной в этом плане воевать бесполезно, он принялся за детей. Сыновьям моим часто повторял: «Со своего отца пример берите – ваш папа никогда один не пьет».

Но только дети отходили, неизменно добавлял: «Правда, он один никогда и не бывает...»

Вообще сколько папу помню, он всегда шутил. Сидим, допустим, за столом, ужинаем. Так он подойдет, всем пожелает приятного аппетита. А потом, хитро прищурившись, скажет: «А я пошел на танцы». Меня, говорит, спрашивали, почему не пришел вчера, так я обещал: сегодня буду без опоздания.

Отец никогда не садился в машину, всюду ходил пешком. «Папа, – сколько раз ему говорил, – давай подвезу». Один всегда был у него ответ: «Это старики ездят»...

МЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Мы с Валеёй собирались в дорогу, когда ко мне обратился один товарищ, возглавлявший крупную советско-австралийскую многоотраслевую фирму, и предложил стать исполнительным директором компании...

– Ты меня извини, – покачал я головой, – я собрался из Москвы уезжать, у меня мать в Кисловодске.

– Не проблема, – говорит, – давай там филиал организуем. И тогда я подумал: а почему нет?

В Кисловодске при местной меховой фабрике организовали фирму. Швейников знакомых в городе у меня было пруд пруди. Сперва занялись изготовлением дубленок, потом стали делать еще и шубы из мутона. А затем вышли на итальянскую фирму «Боске», которая считалась лучшей по выработке кожи.

Сперва итальянцы приехали к нам: привезли образцы кожи, мы пошили дубленки – все вроде им понравилось. Потом мы нанесли ответный визит и в Италии заключили договор о совместном производстве.

Но в итоге дело у нас все равно не выгорело – забраковали западные партнеры наше сырье. Уж не знаю, в чем тут дело.

Но отправили мы итальянцам четыре фуры овечьих шкур, они заплатили за товар. И дело с концами – выделанную кожу от них мы так и не получили.

После этого я решил больше не связываться с натуральным мехом, тем более что цены на него подскочили. Открыл собственную фирму и начал выпускать шубы из искусственного меха. И не прогадал: из натурального меха мастерица шьет шубу два дня, а из искусственного – может и четыре шубы за день пошить.

В общем-то, дела шли совсем неплохо. Но в конце октября 1992 года мама умерла. Прошло девять дней со дня ее смерти... Сорок дней... А без нее в Кисловодске, решили, нам делать было нечего...

НА ПОРОГЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Дети живут в Москве... И мы с Валею решили ехать в Москву.

Долго без работы я сидеть не мог и очень быстро нашел применение своим силам. Сначала занялся швейным делом – при Черкизовском мясоперерабатывающем комбинате мы стали шить куртки, халаты. А затем Игорь предложил мне возглавить отдел выездной торговли Черкизовского завода.

Более пятидесяти наших машин каждое утро вывозили по тонне колбасных изделий к станциям метро и к железнодорожным вокзалам. Наценку мы делали минимальную – всего пять процентов от заводской цены, поэтому торговля шла бойкая. Спустя некоторое время Игорь съездил в Голландию и приобрел там сорок машин «ДАФ», которые были переоборудованы в выездные магазины на колесах – там установили холодильники, полки, кассовые аппараты.

В конце девяностых завод стремительно разрастался, надо было завоевывать новые рынки сбыта. И тогда в Челябинске наша компания приобрела универсам, который был перестроен под оптовую базу. Я занялся этим делом, и мы с Валею и

нашей дочкой Катюшей переехали на Урал. Но когда и этот рынок был освоен, мы вернулись в Москву. Тут я осознал, что сделал вторую ошибку немалого значения – закрыв в Кисловодске свою фирму, переехав в Москву, работал в Черкизово. И эта ошибка заставила меня принять решение уехать в Израиль.

НА РОДИНУ ОТЦОВ!

Первой из нашей семьи на ПМЖ в Израиль отправилась моя племянница Ира. В 1993 году она обрадовала нас, что стала мамой – тогда с Валею и моей сестрой Милой мы решили навестить нашу молодую мамочку. Так в первый раз я оказался на Святой земле, на родине своих предков.

Потом еще несколько раз ездил в Израиль в качестве туриста. Страна мне очень понравилась. И однажды я сказал: если когда-нибудь и уеду из Москвы, то только в Израиль.

Но когда этот момент настал и я принял решение ехать на ПМЖ, дети в один голос запротестовали: «Папа, зачем в Израиль? Лучше в Америку!»

Я послушался совета молодых, мы с Валею отправились в Америку, оставив Катюшу на попечение Розы, жены моего брата Алика. Однако в Штатах не прожили и трех месяцев. Неуютно почувствовал я себя в этой стране, понял, что без знания языка мне там делать нечего, я просто-напросто потеряю себя. И мы вернулись в Москву. Как выяснилось, совсем ненадолго.

В 1999 году я сагитировал брата Алика ехать на ПМЖ в Израиль. Купив туристическую путевку, поехал вместе с ним, мы подыскивали хорошую квартиру – в том доме, кстати, где я живу по сей день. И после этой поездки я окончательно созрел в своем решении. Вернувшись в Москву, тут же подал документы на постоянное место жительства.

Однако процедура выезда оказалась не такой легкой, как могло показаться на первый взгляд. В посольстве сперва нам отказали, попеняв на то, что у меня нет свидетельства о рож-

дении – только дубликат, а ничем иным, мол, я не могу доказать, что Хава Моисеевна моя мать. Посмотрели и на нашу с Вале́й разницу в возрасте – двадцать пять лет, как никак. И на то, что у меня взрослые дети...

Апофеозом стал звонок из посольства моему старшему сыну Славику:

– Вы знаете, что ваш отец уезжает?

– Знаю.

– Знаете, с кем уезжает?

– Да, а что?

– Он уезжает с чеченкой!

А Валя родилась в Чечено-Ингушетии, в Уруз-Мартановском районе...

Утром тринадцатого января мы с Вале́й, Слави́ком и Катей в очередной раз пришли в посольство. Я принес старые семейные фотографии. Одна из которых, запечатлевшая нас под купой в день свадьбы моей внучки, фактически и стала нашим пропуском в Израиль.

Документы пошли по инстанциям, нам пообещали, что отправят в течение месяца.

– Вы знаете, – сказал я служащей сохнута, – я родился двадцать четвертого января. И очень хотел бы день рождения отметить на родине своих предков.

Она улыбнулась:

– Не могу вам отказать. Празднуйте свой день рождения в Израиле – отправляю вас восемнадцатого.

За пять дней нужно было многое успеть. И первым делом мы отправились в Ессентуки, к Валиным родителям. В аэропорту, во время регистрации рейса, Валя вдруг вскрикнула: «Алеша, глянь на себя!» Я обомлел: на мне была куртка и... домашние шаровары. Можно представить себе, в какой спешке мы собирались, если я забыл надеть брюки.

К Валиным родителям мы заявили в три часа ночи. Сходу объявили, что уже в двенадцать часов возвращаемся в Москву, чтобы через четыре дня улететь в Израиль.

А затем устроили проводы в Москве. Пригласили родных и друзей. Немало было выпито за наш отъезд, много красивых тостов сказано. А Борис, мой родич, даже стих сочинил:

*«Давай, Алеша, вытъем на дорогу
За твой отъезд на родину отцов!
Там будет лучше, будешь ближе к богу,
Подальше от врагов и подлецов.
Там много солнца, и жара такая!
Ты много водки в рюмочку не лей.
Хоть будешь часто говорить «Лехаим»
На берегу у моря из солей.
Своих привычек, знаю, не изменишь,
И часто будет полный дом гостей.
И Валя «бирюлевские пельмени»
На стол поставит – «кейф сох», Алексей!
Заговорит Катюша на иврите,
Прожив в Натании целый длинный год.
Ты ж, заскучав, позвонишь: «Мила, ждите,
Я не могу от вас быть далеко!»*

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Мне нравится Израиль! Климатические условия, во-первых, – я все-таки привык к Кисловодску, а здесь хоть жарче немного, но что-то общее все же есть. Дождь, к примеру, прошел – через пятнадцать минут снова сухо. А солнце зашло – даже прохладно становится.

В Краснодаре или в Сочи влажность такая, что уснуть невозможно. А в Израиле, как и в Кисловодске, ночью без одеяла не обойтись. Поэтому я не понимаю, например, когда наши таты говорят: ой, тут жарко. В Дербенте – выйти на улицу невозможно, а здесь в тень зашел – и жары совсем не чувствую.

Лично меня в Израиле все устраивает.

Я живу у самого синего моря – вода у нас ниже восемнадцати градусов не бывает, круглый год я хожу купаться.

Я живу в самом центре города, поэтому мне не нужен транспорт, хожу на своих двоих и получаю удовольствие от жизни.

Слева направо: нижний ряд – Алик и его дочь Света,
верхний ряд – мои сыновья Игорь и Славик.

Слева направо: племянники Витя, Ира, Лена, Наташа и дочь Элла.

Любимый сын Славик.

Семья Славика.

Семья Игоря.

Семья Гены.

Слева направо: нижний ряд – Наум и Оля Бабаевы, Стасик,
 верхний ряд – Марина, Ольга Насимова, дочь Элла,
 г. Кисловодск, улица Катыхина, 24 января 1979 г.

Борис Николаевич Ельцин и сын Игорь,
1998 г.

Владимир Владимирович Путин и сын Игорь,
2005 г.

Слева направо: сестра Мила и невестка Роза.

Я с представителями компании «Боски» по выделке кожи,
Италия.

Одна из моих любимых фотографий.

Моя жена Валентина,
1970 г.

Я с Валентиной.

Жена и дочка Катя,
1996 г.

С художником А.М. Шиловым,
1996 г.

Моя дочь Катя,
1998 г.

Мое семидесятилетие, январь 1999 г.

С сыном Игорем, и сестрой Милой,
о. Маврикий.

С сыном Славиком и дочерью Эллой.

Жена Валя и дочь Катя.

Дочь Катя,
2002 г.

На свадьбе у Наума с Аней.
Слева направо: Руслан, внук Женя,
я, внук Аркаша и друг Юра,
г. Москва, 2006 г.

Пятидесятилетие Славика.
Слева направо: сын Славик, я, жена Валя, Исай,
г. Москва, 1998 г.

Слева направо: друг Борис, дочь Элла
и Стас – муж Лены (дочки Милы).

На бар-мицве Циона, внука Милы.
Слева направо: зять Игорь, Цион, Ира и я,
Израиль, 2007 г.

Говорю иногда: мы с Валентиной скоро будем очень богаты. Один товарищ спрашивает:

– Как? Вы же не работаете, а на одну пенсию не разживешься.

– Да ты не понимаешь! – отвечаю. – Мы будем очень богаты! Она колготки не носит, а я носки – это ж какая экономия!

Нет, действительно, я забыл, когда последний раз надевал пальто, я крайне редко ношу костюм. Я все время хожу в шортах и в тапочках. Поэтому здесь мне свободно – и дышится, и живется.

В Израиле, несмотря ни на что, очень спокойно. За восемь лет я еще ни разу не видел, чтобы кто-то кому-то дал пощечину. Местные жители могут громко разговаривать, ругаются даже. Но рукоприкладства в Израиле нет, здесь это строго наказуемо. И ночью, когда выхожу на улицу, я совсем не боюсь, что кто-то меня обидит.

В России я проработал сорок восемь лет, пенсию получаю – двести долларов. В этой стране палец о палец не ударил – а мне платят тысячу с лишним.

Мы как-то собрались в круиз по Средиземному морю.

– Валя, – говорю, – зачем куда-то едем, у нас здесь с тобой море.

Валя засмеялась:

– Но на теплоходе качает...

– Ну и что, – отвечаю, – мы сейчас выпьем, нас и здесь будет качать.

Что хочу сказать: если бы сейчас мне предложили даже царские условия, я бы отсюда никогда не уехал.

СТРАНА ЛИМОНИЯ

К чему скрывать, застолья я люблю. Люблю с друзьями посидеть, поговорить, пошутить. Ну, и выпить, понятное дело. Но я всегда повторял и сейчас скажу: я водку не пью, а уничтожаю. Чтобы пьяницам не досталось...

По правде сказать, работа у меня была такая, что без бутылки никогда не обходилось. Постоянно ездил в команди-

ровки, надо было изыскивать сырье. Встретишься, бывало, с товарищем, столик в ресторане закажешь: посидишь с ним, выпьешь. Часа не проходит – другой приятель звонит: поговорить, мол, надо. Ну, и опять за стол, не станешь же объяснять, что только что выпил.

Всегда я старался придумать, как бы сделать так, чтобы водка меня меньше брала. Первое время поступал так – свою рюмку опрокидывал в фужер, добавлял туда молока. Звучит следующий тост – я водки наливаю чуть меньше, молока чуть больше. И так далее. Получалось, что меньше пьянел.

А потом заметил: когда лимон выжмешь в водку, крепость уже не так ощущается. На стол, конечно, такую водку не поставишь, она получается мутная, неприятная на вид: нальешь такую гостью, так он пить не станет.

Придумал такой выход. Я беру лимон, снимаю с него корочку, тоненько-тоненько, цедру лишь одну. Бросаю ее в бутылку. Два дня такая водка постоит – и готово!

Во-первых, запаха спиртного не остается. Во-вторых, пьется такая водка намного легче, мягкая становится. Во рту не вяжет, ночью пить не хочется, перегара нет – просто красота! Когда друзей своей водкой угощаю, едва ли не каждый говорит: тебе надо лицензию на нее оформлять...

Вообще рецептов у меня много, на все случаи жизни. К примеру, в Кисловодске у нас инжира не было. И, когда ездил в командировки, я всегда привозил пару ведер, чтобы мать варенье сделала. Однако готовить варенье из инжира – очень трудоемкое занятие, ведь его мешать нельзя. Посмотрел однажды, как мать мучается: «Ну-ка, мам, – остановил ее, – подожди-подожди. Я тебе помогу». Взял таз, в котором варенье варят. Инжир сахаром пересыпал в четыре слоя, отнес таз в баню, на табуретку поставил. И включил парилку – сто двадцать градусов. Утром встали – варенье готово. Кому рассказываю, что в парилке делал варенье, никто не верит.

Другой пример. В Москве шашлыки обычно я жарил на балконе, там у меня стоял мангал из нержавеющей стали. Как-то, чтобы потушить огонь, залил его водой, а угли убирать не стал. Проходит неделя, другая, со временем угли высохли. Чтобы добро не пропадать, решил как-то на них шашлык пожарить.

Смотрю: дыма нет, копоти нет, после готовки не надо руки мыть. И шашлыки, что самое главное, вкусные. С тех пор всегда уголь замачиваю.

ОТ БОЛЕЗНЕЙ ВСЕХ ПОЛЕЗНЕЙ

Но еще два слова о водке.

Я считаю, если пить правильно, от водки никакого вреда. Не скажу, что пользы много, но вреда точно никакого, уж поверьте на слово.

Сам я – вот клянусь! – за всю жизнь не принял ни одной таблетки. Когда работал в главке, все мои коллеги проходили в Четвертом управлении диспансеризацию – только не я. Помню, врач жаловалась даже: «Алексей Наумович, меня из-за вас премии лишат». Потому что всякий раз на ее предложение пройти медкомиссию я отвечал: «Можете ставить галочку – не приду».

Не скрою, я своеобразный человек в этом вопросе. И к врачам я не обращаюсь не потому, что никогда не болею – бывает, конечно, что простужаюсь, бывает, что и загриппую. Просто метод лечения у меня другой: простудился – принял стопочку. Мало – вторую. Не хватило – и третью.

Валя долго не верила моему рецепту, пока однажды на собственном примере не убедилась в его действенности. Как-то она сильно простудилась, я говорю: прими сто пятьдесят. Валя выпила, через час жалуется: «Не помогает». Тогда я налил ей еще – утром встала абсолютно здоровой. И теперь уж не сомневается в правильности моей методы. Да и не только она...

Как-то в январе из Праги ко мне приехал товарищ по Дербенту Миша Сосунов. Сидели мы в большой компании, и кто-то из друзей сболтнул, что двадцать четвертого числа у меня день рождения. Миша не раз приглашал меня к себе в гости, много раз я обещал его навестить, да все как-то не складывалось. А тут он на меня насел: «Алексей, – говорит, – я у тебя буду двадцать четвертого, попробуй только после этого ко мне в Прагу не приехать». Признаться, я думал: ну мало ли что выпимши человек сказал...

Но двадцать четвертого января раздается звонок, я открываю дверь – Миша со своей супругой Людой. Укутанные с головы до ног. Простуженные так, что смотреть страшно. Им бы в постель, а они на день рождения ко мне приехали.

«Не волнуйтесь, – говорю, – я вас вылечу». И, честное слово, я их «укатал». Мы пили всю ночь, потом я помог им спуститься в машину...

Утром Люда звонит: «Алексей, ты не согласишься, мы выздоровели». Про себя думаю: отчего же не поверю – верю охотно.

ПИТЬ ИЛИ НЕ ПИТЬ

А вот кому не верю, так это людям, которые говорят, что не могут бросить пить или курить...

Как-то мой шеф Зиняков подписал нам, своим замам, по двести рублей премии за выполнение плана. Себе он не имел права подписывать – начальника главка должен был премировать министр. Но тот по каким-то причинам Зинякова в своем приказе не отметил.

На следующий день подходит ко мне главный инженер:

– Алексей Наумович, министр прокатил Зинякова, не дал ему ничего. Давай скинемся по полтиннику – у нас будет по сто пятьдесят, а у него – двести.

– Чего-чего?! – я посмотрел на него с изумлением. – Дорогой мой, я расписался, что получил двести рублей. Из этих денег я и рубля никому не дам.

Инженер понял, видно, что ляпнул что-то лишнее, перевел разговор на другую тему и удалился. А я поспешил зайти к Зинякову.

– Ты обалдел, что ли?! Что с тобой случилось? Ты в тюрьму хочешь?!

Он посмотрел на меня испуганно.

– Вызови сейчас же инженера, – продолжил я. – Скажи, что нужно собрать со всех по пятьдесят рублей, чтобы приобрести общую водку... Как это – скинуться и тебе отдать? Дурак, тебя же завтра посадят! У тебя ума нет?..

И захлопнул за собой дверь.

Десять минут не проходит, инженер ко мне возвращается:

– Алексей Наумович, извини, я тебе неправильно сказал. Коль ему денег не дали, давай по пятьдесят рублей соберем и купим водку.

– Вот на это, – говорю, – пожалуйста.

На Первом московском ликероводочном заводе – сейчас он «Кристалл» называется – у меня друг работал. Послал к нему машину, мои ребята купили два ящика водки, принесли и поставили в комнату отдыха.

Через несколько дней возвращаюсь из очередной поездки, прихожу на работу – там полный кавардак. Главк на ушах стоит, сам шеф еле на ногах держится – со своими замами похмеляется. «Пойдем, – едва увидев меня, говорит, – пива выпьем, я вчера футбол смотрел, бутылку водки один ухайдокал».

Какую же глупость, думаю, я совершил! Поскорее постарался ликвидировать спиртное, пока ЧП не случилось.

Тогда только и понял: есть люди, которым водку вообще нельзя давать – они во время работы пьют и дуреют. К такому придешь, попросишь чего-нибудь, и если бутылку водки поставишь – он тебе что хочешь сделает. А без водки придешь – разговора не получится.

Что хочу сказать.

У меня водка есть всегда. Но если гостей нет, я бутылку за обедом никогда на стол не поставлю – сама по себе водка для меня веса не имеет, я и без нее веселиться могу. А если бы ко мне никто не приходил, я бы до водки вообще не дотрагивался.

СВОЮ БЕРЕГИ, СОСЕДОК ТРАТЬ

Валя издевается надо мной уже тридцать семь лет. Но, учитывая, что все ее издевательства я весьма сносно переношу, если это продлится еще сто тридцать семь лет, то, честное слово, я возражать не стану.

Один лишь ее недостаток позволю себе отметить. У Вали редко бывает улыбка на лице.

Другой человек – что бы ни случилось – улыбается, как ни в чем не бывало, сестра у нее такая – без улыбки слова не произнесет. И у меня всегда солнечные дни, я хмурый не хожу никогда – надел розовые очки и все вижу исключительно в розовом свете.

К чему скрывать, человек я общительный. Где бы ни жил, не было дня, чтобы с соседями не общался. Когда мужья уходят на работу – всех соседок обойду. Как же: в одном доме живем, в одном подъезде – так почему не знатьяся?

Вале говорю об этом – она юмора моего не понимает. Не понимает и того, что я уже в возрасте, что мне нужен дополнительный уход...

– Валя, – говорю ей, – давай я тебе возьму несколько молоденьких помощниц: одна будет убирать, другая стирать, третья готовить. Зачем тебе заниматься грязной работой? Я все-таки тебя сохранить хочу...

Не понимает! Но есть же хорошая русская пословица: свою береги, соседок трать.

Поэтому сейчас уже я заказал холодильник в полный ее рост, хочу Валю замуровать туда, чтобы она вечно оставалась молодой. А когда надо будет, я ее достану оттуда, отогрею...

По правде сказать, я ведь собираюсь жить долго, на тот свет не тороплюсь. Под землей, так понимаю, делать нечего. А здесь столько дел! Недавно, допустим, Израиль отметил свое шестидесятилетие. А мне бы хотелось посмотреть, что будет, когда стране исполнится и сто шестьдесят, и триста шестьдесят лет. Мне интересно. Ей разве не интересно? А раз интересно, так пусть вечно будет со мной!

Мы, правда, и сейчас всегда вместе. Многие удивляются даже – я один, без нее, никуда не хожу. Могу сказать: не по той причине, что чего-то боюсь. Конечно, ее могут украсть. Но украдут – полбеда. А когда вернут – что я с ней буду делать?..

Это все шутки, конечно. На самом деле Валя золотой человек. Ведь если б была плохая, разве бы я ее держал?

Она замечательная кулинарка. Я, честно говоря, не понимаю людей, которые, встречая гостей, ставят на стол полуфабрикаты. Я привык к другому, у меня мать была бесподобная кулинарка, мы не знали даже, что такое магазин – все было с

рынка, все готовили сами. И в этом плане Валя – образец, достойный подражания...

Правда, она ленится иногда. Но тогда я укладываю ее отдыхать. А пока Валя спит, сам все приготавливаю, все белье выстираю. Полы натру, потолки побелю...

КАК МОЛОДОЙ ОТЕЦ, СКАЖУ...

Я Вале всегда говорил: у меня четверо детей, нам вполне достаточно. Но однажды мама мне сказала: «Алеша, сыночек, как бы то ни было, разреши Вале стать матерью».

И тогда у нас появилась Катя. А ведь у меня к тому времени уже и внуки были...

Когда Кате исполнился годик, родные и друзья собрались у нас в Кисловодске, мы отмечали ее день рождения. И Амай Адамов, брат Исаия, произнося тост, сказал: «Алеша мудрый человек, родил себе няньку, которая будет потом за ним ухаживать...»

Хорошо сказал. В одном только ошибся.

У меня сейчас благодаря Кате вовсе не спокойная старость, а вторая молодость! Мне восемьдесят, а Катеньке всего второй десяток. И это такая радость, есть во имя чего жить!

Честно скажу, я на десятом небе, что у меня такая девочка золотая. Свое чадо хвалить неудобно, но я же ничего не выдумываю – говорю как есть.

Катя очень способная. Даже не понимаю в кого. Она прекрасно учится, если надо – может просидеть за учебниками и четыре, и пять часов. И ее не нужно подталкивать, направлять, следить за ней.

Единственное, я всегда ей напоминаю: «Катенька, есть старая русская пословица: что посеешь, то и пожнешь». Шли мы с ней как-то по улице: «Видишь, – говорю, – люди молодые тротуар подметают. Это те, Катенька, которые в твоём возрасте плохо учились».

Однажды во время одного из застолий в присутствии друзей спрашиваю ее:

– Катенька, если плохо будешь учиться, кем станешь?

– Или официанткой, – отвечает, – или уборщицей.

Сперва мы отдали Катю в американскую школу, четыре года она занималась там. Но умные люди мне подсказали, что, окончив это учебное заведение, ни в один израильский вуз она не поступит, так как не будет знать в совершенстве иврит и не сдаст «багрут». И тогда я перевел ее в еврейскую школу.

Катя пошла в пятый класс, иврит тогда она не знала совершенно. Пришлось договариваться с директором школы, чтобы первый месяц ей не ставили оценки. А уже через три месяца Катя стала одной из лучших учениц класса. Теперь она знает три языка: английский, русский и иврит. Сейчас арабский еще учит, в ближайших планах – за французский или испанский взяться. Так что Катя у нас везде переводчица. Ведь ни я, ни Валя языков не знаем.

Мало того – она еще и за внешним видом моим следит, постоянно мне указывает: вот это носить не надо, это сейчас не модно. «Папа, – говорит, – ты пойми правильно: ко мне сейчас должны прийти, ты, пожалуйста, надень другую сорочку». А я что – я слушаюсь, лишь бы она была счастлива.

Четверым своим детям я всё дал, все они получили высшее образование. Так почему в отношении Кати я должен поступить иначе? А раз так – значит, я должен быть молодой, должен за собой следить, заниматься физзарядкой. Неудобно же, если иной раз скажут: с дедушкой идет.

В свое время, когда знакомился с девушками и говорил, что у меня четверо детей, это воспринималось как шутка. А сейчас, глядя на Катю, меня многие спрашивают: «Это ваша внучка?» Я говорю: «Не внучка, а дочка». – «О! – удивляются. – А где же ваша жена?» – «Жена в роддоме, – отвечаю, – второго рождает!»

Но как-то в Москве стояли мы с ней возле метро, цветы покупали. Катя мне все: папа, папа. Цветочница вздохнула: «Теперь это папой называется...» И мне больно стало...

Я ходил с жалобой в исполком, дошел до самого Лужкова. Они там руками развели: «Ну что, мы всем рты закроем? Ну хотите, все годы вам сбросим?» – «Все не надо, – отвечаю, – лет пятьдесят только сбросьте, и хватит».

Так что мне сейчас тридцать. И теперь уж все видят: с папой девочка идет!

Кстати, когда в очередной раз мы собрались на день рождения Кати, мой брат Алик произнес такой тост.

– Когда, – говорит, – у меня родился сын, отец сказал: «И все-таки никто из вас меня не догнал». У него же было пятеро детей, а у меня получилось четыре, и у Алеши четыре. Алеша, пусть чуть поздновато, но все-таки ты отца догнал. Завет его исполнил. Может, теперь еще и перегонишь. Вот за это и выпьем!

Все наперебой стали говорить: правильно, Катюше надо братика...

– Как же, – ответил я, – три брата есть – зачем?

– Ну, все-таки чтобы ее возраста был.

Я пожал плечами:

– Хорошо, будет и братик, о чем разговор.

Валя встрепенулась:

– Ты о чем?

Я ей:

– Валя, разве мало на свете Валь?..

В каждой шутке, как говорят, есть доля правды. Так я теперь думаю: когда Катю доведу до ума, мне надо будет еще заводить ребенка. Для того, чтобы и в третий раз стать молодым!

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ ПОГОВОРИМ...

Вот Валя говорит, со мной ни один серьезный вопрос нельзя решить, все, мол, перевожу на две темы: девочки и водка. Я ее всегда поправляю: не «девочки и водка», а Марья Ивановна и шнапс.

Не понимает Валя, что смех для меня – это жизнь. По-моему, человек всегда должен улыбаться, всегда быть жизнерадостным. Я, например, все время стараюсь из ничего сделать что-то, всегда зажигаю за столом, причем все, что говорю, рождается экспромтом.

Меня часто спрашивают: откуда в вас столько энергии? В таком-то почтенном возрасте!

Пользуясь случаем, отвечаю по порядку.

Во-первых, я никогда без дела не сижу. Многие, например, удивляются, когда я говорю, что все в доме я сделал своими собственными руками. А если подумать – что тут удивительного?

Из двух квартир в свое время нужно было сделать одну. А для этого посмотреть: какие стены несущие, какие нет, что нужно поломать, а что оставить. Пригласил я с этой целью дизайнера, он говорит: «Так мы не работаем. Сначала все ломаем, все старое выбросим, а потом будем делать все новое». Разобрать стены, сообщает, стоит тридцать тысяч шекелей.

– Ну что ж, – говорю, – спасибо. Теперь я должен подумать, а потом вам позвоню.

Только он ушел, я взял в руки топорик, прорубил дырку в стене. Там оказалась алюминиевая конструкция, причем крепилось все на одних шурупах. Я шурупы вывинтил, разобрал стены. Переставил как надо, обратно все закрутил, зашпаклевал. Электричество провел, телефон. И только на отделочные работы пригласил людей.

Так это ж труд, это работа! Не только смех, движение – тоже жизнь. А я ведь еще пожить хочу.

Дома мне порой очень сложно усидеть. Даже в моем, скажем так, преклонном возрасте я планировал поступить на должность – хотел объединить все синагоги с массажными кабинетами. Это шутка, понятное дело. Но вот вам и всерьез.

Однажды я пригласил в гости сына своего давнишнего друга.

– Знаешь что, Геночка, – говорю, – я чего-то последнее время ленивый стал. Ты возьми меня к себе на работу, – а он в Натании дороги укладывает. – Месяца на полтора, на два – ну, сколько выдержу. Меня оформлять не надо, зарплаты мне платить не надо – мне бы только вес лишний сбросить.

– Что хочешь проси, – отвечает, – этого сделать не смогу. Если кто-то увидит, что у меня пенсионер работает, меня тут же уволят. Мало ли что случится, здесь это категорически запрещено.

Ну хорошо, думаю, не выгорело у меня это дело. Но жизнь-то из-за этого не отменяется. Вот сейчас по еврейскому кален-

дарю, как говорят, 5779 год идет – столько лет назад, мол, тора появилась. У многих сомнения на этот счет имеются – никто не может ни подтвердить, ни опровергнуть сей факт.

Я, например, тоже не знаю, есть ли жизнь на том свете, или ее нет вовсе. Но, учитывая, что эта жизнь мне нравится, та, другая, мне и не нужна. Уж лучше я здесь задержусь подольше!

Самое главное, меня здесь все устраивает. И качество спиртных напитков в том числе. А там – еще черт его знает что нальют. Нет-нет, вы меня не уговорите.

Так вот: через пять тысяч лет я буду людям рассказывать то, что было сегодня. Конечно, одному мне никто не поверит. Так я своим друзьям говорю: если даешь добро, что будешь пять тысяч лет со мной, я внесу тебя в свой список. Так наберем единомышленников и через пять тысяч лет будем рассказывать о сегодняшней нашей жизни.

Ну что, друзья, согласны?..

И ЭТО ВСЕ О НЕМ!

Ибрагим Ибрагимов, Советник Председателя Правительства Республики Дагестан, руководитель исполкома Дагестанского регионального отделения партии «Единая Россия»:

Алексей Наумович Бабаев – огромной души человек. В нем удачно сочетаются аристократизм и простота. Его оптимизм, открытость и благородство подкупают с первой же встречи.

Познакомился я с этим, не побоюсь этого слова, великим и мужественным человеком в сентябре 2003 года благодаря моему другу Борису.

Мы с Борей решили съездить вместе на недельку-другую в Натанию, по приезду заселились в отеле на берегу моря. Едва разместились в гостиничном номере, Боря тут же позвонил Алеше и дал знать, что мы находимся в его городе. Спустя некоторое время к нам в номер постучались. Боря открыл дверь, и в комнату вошел крепкого телосложения немолодой мужчина с седой головой. Так Боря познакомил меня с Алешей.

То, что происходило дальше, меня приятно удивило. Алексей Наумович потребовал, чтобы мы немедленно собрали свои вещи и следовали к нему домой. Признаться честно, мне было несколько неудобно идти к почти незнакомому человеку, но все уговоры с моей стороны оказались тщетны.

Прямо у порога нас встретила супруга Алексея Наумовича – Валя, которая оказалась очень добродушной и хлебосольной хозяйкой. Она сопровождала нас на просторную лоджию, где нас уже ждал большой и щедро накрытый стол. Здесь же я познакомился и с их дочкой Катенькой – этаким колокольчиком с голубыми глазками и светлым лицом, на котором отражались наивность и любопытство.

В тот вечер мы долго сидели за столом. Перед взорами открывался удивительный вид на море. Лунная дорожка казалась золотой рекой, текущей прямо к подножию дома. Уходить с лоджии нам не хотелось, и, несмотря на то что нам с Борей была приготовлена комната для отдыха, мы настояли на том, что спать будем только на свежем воздухе. Нам постелила Валя, добрейшей души человек.

Боря чувствовал небольшую усталость и решил отдохнуть, а мы с Алешей отправились на берег моря. Не знаю, сколько времени мы бродили по пустынному пляжу, дышали морским воздухом. Именно за эти часы я и узнал суть и содержание этого человека.

У него была нелегкая, я бы сказал, полная драматизма судьба. В течение жизни он столкнулся и с горечью утраты близких. И с предательством тех, кого считал друзьями и которых много раз сам выручал в беде. И с равнодушием и черствостью высоких чиновников.

Он пережил взлеты и падения, но ничто не сломило его. Только крепкий дух, высокая внутренняя культура и порядочность, исключительное мужество и огромная сила воли позволили этому необыкновенному человеку радоваться жизни, любить свою семью, дарить радость другим.

Алеша – жизнерадостный человек, душа компании, у него блестящее чувство юмора.

Вот один случай из его жизни. Будучи заместителем начальника главка он как-то оказался в компании, где присутствовали зарубежные гости. Тосты произносились один за другим, гости заметно захмелели, а Алеша держался молодцом, будто и не выпивал вовсе. Это заметил один из иностранцев.

«Господин Бабаев, – сказал он, – вы старше нас, а выпили больше всех. Не боитесь навредить своей печени?..»

На что Алеша ответил: «Господин мой хороший, не думаете ли вы, что Бабаев круглый дурак? Бабаев не дурак, он, когда идет в компанию пить, печень с собой не берет».

Когда однажды я задал вопрос, как ему удастся сохранить завидное здоровье и при этом изрядно принимать «на грудь», он мне ответил: «Ибрагим, в Израиле такой изумительный

климат, что человеку здесь надо иметь два желудка и четыре выхлопные трубы».

Мне всегда хотелось сделать что-то приятное Алеше, долго я искал для этого подходящий случай. И когда Алеше исполнилось семьдесят пять лет, я преподнес ему два подарка: вытканый лучшими ковровщицами Табасарана коврик, на котором изображен сам Алеша, и саблю, выточенную самыми именитыми оружейниками из Унцукуля. Я благодарен Алеше, что он принимал эти подарки, и знаю, что он бережно хранит их как дорогую для него память.

У Алеши прекрасная семья, образованные и успешные сыновья, внуки, внучки, сестра Мила. Все они по праву гордятся этим великим человеком. В трудные минуты и я всегда вспоминаю советы Алексея Наумовича, мне всегда не хватает его. Я хочу, чтобы Алеша жил долго-долго, радовал родных, близких и друзей. Хочу видеть всегда рядом этого удивительного, умного и красивого человека, который излучает свет, добро и тепло.

Илья Гаврилов, советник министра РФ по рыболовству:

Алексей Наумович моложе моего отца на двенадцать лет, но это никогда не мешало их многолетней дружбе и тесному сотрудничеству. Они были очень близки, практически как родные братья. Помню, Алеша мне как-то сказал: «Твоя мать – не твоя мать, это моя сестра». А после смерти отца он сам для меня стал как отец.

Я никогда не называл его дядей, всегда – Алеша. И могу сказать, что Алеша – кристально порядочный мужик. Ему можно верить как самому себе.

Вот чем отличались купцы первой гильдии от всех прочих? Купцу второй гильдии писали векселя, а от купца первой гильдии достаточно было одного лишь слова. Вот Алеша из той породы, из той гильдии.

Алеша – великий человек, все, кто работал с ним, его боготворили. Но когда наступили тяжелые времена, все хвост поджали. Один Алеша оказался твердый как камень. Его ничто не сломало. Правильно мой отец всегда говорил: «Алеша есть Алеша...»

Адик Израилов, заслуженный тренер СССР:

Вот ирония судьбы: несмотря на то что моя бабушка и его отец были двоюродные брат и сестра, познакомились мы с Алексеем в Израиле. Десять лет назад...

Для меня этот человек уникальный. До сих пор не устаю поражаться его удивительным качествам. Тем набором качеств, которых я лично не встречал ни в одном другом мужчине.

Первое – он умеет все. Может заниматься электричеством, сантехникой, может разобрать и уложить стены. И это человек, который в советское время относился к номенклатуре, занимал определенное положение. Я, например, тяжелее бутылки в жизни ничего не поднимал, я не знаю, как гвоздь забить, тем более как починить розетку. А этот человек – самый настоящий многостаночник.

Второе. Я в своей жизни все выиграл. Все, что мог. Проиграл только одно – личную жизнь. Расстался с первой женой, со второй, с третьей... И это несмотря на то, что, по моему глубокому убеждению, мужчина должен иметь только одну семью – вне зависимости от обстоятельств.

А Алексей... Он, конечно, много говорит о разных там массажных кабинетах, но, насколько я понимаю, Валя для него самый близкий друг по жизни. Как-то ездили с Алексеем ко врачу, нам выписали лекарства. Говорю:

– Дай свой рецепт, я по пути в аптеку зайду и возьму что надо.

– Нет, – отвечает, – только Валя может взять.

Я так понимаю, Валя – единственный человек, которому он доверяет целиком и полностью. Валя для него все. И это большая редкость, особенно для кавказского мужчины.

Третье – это отношение к детям. Он для них сделал все что мог – вырастил, выучил, устроил на хорошую работу. Всю свою жизнь Алексей посвятил тому, чтобы дети стали серьезными и хорошими людьми.

То есть, если суммировать, этот человек выиграл во всем. Он по-прежнему очень щепетилен к своему образу жизни. Вот почему Алексей живет в Израиле? То, что он еврей, не основное. Главное – он живет возле моря. В своем весьма солидном уже возрасте ходит постоянно по восемь-девять километров

вдоль пляжа, плавает, купается, загорает. Везде ходит пешком – вне зависимости от погоды: жара ли, холод, дождь...

Он всегда, в любое время дня и ночи, готов выпить пятьдесят граммов. Соревноваться с ним в этом вообще утопия. Перепить Алексея невозможно! Уверен, если бы проводилось соревнование, в этой дисциплине он стал бы чемпионом мира.

При этом Алексей практически никогда не говорит о своем здоровье. Как ни спросишь – ответ один: лучше всех! Даже если что-то болит, он это держит в себе, никому не скажет. Не даст возможности другому обсудить его состояние, пожалеть.

И самое главное – он себе не изменяет. При любых обстоятельствах остается самим собой – таким, какой он есть. В нем нет ни высокомерия, ни чванливости. Он очень любит общаться с людьми, встречать всех, угощать, накрывать столы. А если надо – всегда поможет мудрым советом.

Веселый, здоровый, мощный... Какие еще эпитеты подобрать для Алексея? Я бы ограничился двумя словами: уникальный человек. Просто уникальный.

Тамара Бородач, руководитель благотворительных проектов:

Таких людей, как он, я называю «последними из могикан». Народ сейчас мельчает, а Леша – мощный, он исполин роста. Исполин духа.

Так получилось, что в Израиле мы с Лешей оказались соседями. Наш дом в основном заселен англоговорящими. Если выйти на улицу вечером и посмотреть в окна, можно увидеть, что светятся они далеко не во всех квартирах. Просто потому, что люди в основном живут за границей, а сюда, как на дачу, приезжают только летом. Русские семьи в нашем доме вообще наперечет, вот мы с Лешей и познакомились.

О нем никогда не скажешь, что человек в возрасте. Он шулерной, он молодой, он бесконечная кладезь шуток, прибауток, анекдотов. И это все не ради красного словца, не на публику – это у него идет изнутри, это его натура. Натура – всегда искрящаяся.

Глядя на Лешу, я понимаю, что возраста вообще не существует. Есть огромное количество молодых людей, которые на

самом деле старики. А он – молодой! Леша постоянно спускается к морю, он купается, он ходит, он все время ищет себе работу по дому. Он всегда в движении.

А какой он муж для Вали! Какой отец по отношению к своей дочери! Девочка воспитывается в строгости, причем в умной строгости. Нет безумных запретов, но нет и вольницы. Воспитывается в уважении к отцу, к матери, да и вообще ко всем людям. Это ведь тоже показатель.

Я не могу сказать, что мы очень близкие друзья – у него есть друзья из прошлой жизни. Вообще дружба – это штука, которая требует постоянной подпитки. Но вот как-то я занялась своей родословной: раньше знала только имена прабабушек и прадедушек, а в этот раз решила составить генеалогическое древо на восемь поколений назад, что, конечно, огромная работа. Мы с ним разговорились на эту тему, и он стал мне рассказывать о своих предках. Показал паспорт, сказал, как на самом деле его зовут. И надо было слышать, как он об этом говорил. С какой гордостью!..

...Наверное, и ему в жизни приходилось быть приспособленцем. Приходилось принаравливаться к строю, к ситуации – для того, чтобы иметь карьерный рост, для того, чтобы выжить. Но в тот момент, когда он рассказывал о своей семье, я видела его гордого, распрямившегося. Не Бабаева Алексея. Не тата даже. Который стал татом для того, чтобы выжить, чтобы сохранить народ. А того самого еврея. Того самого Эрзола Бабаева!

Андрей Погиба, бизнесмен и сосед:

С Алексеем мы познакомились примерно десять лет назад, наши дочки ходили в один садик. Помню, удивился тогда: человек в годах, а жена молодая, дочка маленькая. Потом я понял, как сильно заблуждался на его счет – Алексей оказался моложе всех.

Мы стали часто встречаться, почти все праздники отмечали вместе, много беседовали: он рассказывал о своей жизни, я – о своей. И я забыл о возрастной дистанции между нами, называл его не по имени-отчеству, а всегда – Алексеем, как друга.

Меня всегда поражало, как человек относится к жизни, как любит жизнь. Всегда от него шутки исходят, всегда веселье –

он не любит говорить о грустном. Может, что-то утаивает, я не знаю. Да и зачем мне об этом знать – я вижу перед собой потрясающего оптимиста. И потрясающе молодого человека.

Мне сорок, ему в два раза больше. Раньше думал, что я уже человек поживший. Но, глядя на Алексея, понимаешь: какие наши годы, я еще просто юноша, и все впереди. Он дает пример всем окружающим: как надо любить жизнь и как к ней относиться.

Борис Юсуфов, друг и родственник:

Я знаком с Бабаевым Алексеем Наумовичем с 1997 года. И с тех пор поддерживаю с ним дружеские, братские и родственные отношения.

Дело в том, что в 1997 году мой сын и его внучка создали идеальную семью. И воспитывают сейчас двух прекрасных и несравненных детей: это моя внучка Алиса и мой внук Борис. А Наумычу они являются первыми правнуками. И оба мы в них души не чаем.

Благословение на этот семейный союз дал Алексей Наумович. Ему достаточно было своим пронизательным взглядом внимательно посмотреть на моего сына, и тут же у него созрело решение: в ближайший месяц свадьбе быть. Благодаря этому у нас не было долгих переговоров, пересудов и обсуждений, как обычно бывает между родителями у горских евреев.

Алексей Наумович – старший в большой семье, и его слово закон. Тем более что за долгие годы все убедились, что принятые им решения правильные и его предсказания всегда сбываются.

Вообще хочу сказать, что Алексей Наумович – удивительный человек необычной судьбы. Который пережил взлеты и падения, лесть и предательство. Глубочайшие потрясения, которые не каждый перенес бы. Но всегда оставался мужчиной, никогда никому не мстил, не ругал и не желал плохого – всегда оставался самим собой, что делает ему честь. Как один мой приятель говорил, Алеша – это кремень. Да, это так.

Везде, где появляется Алексей Наумович, он становится душой общества, взгляды всех обращаются к нему. На каж-

дую брошенную кем-то фразу у него есть анекдот или веселая история. Хочу сказать, что юмор его неиссякаем, и при всем многообразии его шуток он никогда не дает повод обидеться.

Однажды случилось так, что он сам оказался жертвой шутки. А было это так. Приехав из Израиля, он пришел ко мне в гости с двумя израильтянами. Я угощал их изумительно приготовленным шашлыком из свиной шейки. Алеша спросил: из какого мяса он сделан? Я сказал: из шейки. Не решился добавить, что из свиной. Алеша переспросил: из говяжьей? Я кивнул головой: мол, да. Тогда он сказал: «Никогда не думал, что говяжья шейка такой деликатес».

Вернувшись в Израиль, он захотел близким людям сделать приятное – пошел на рынок, закупил говяжьей шейки, пригласил гостей. И угостил их шашлыком. Принимавшие участие в трапезе чуть не сломали себе зубы. Но и из этой ситуации он тут же легко вышел – перевел все в шутку.

Небольшие размышления об этом легендарном человеке хочу завершить его словами: «Старайся сделать всем хорошее и не замышляй плохого. Не делай людям того, что не пожелаешь самому себе». И четверостишием, которое посвятил ему на праздновании его 79-летия:

*С лицом библейского пророка,
С душой честнейшего юнца
Ты можешь быть для нас уроком
Всю жизнь: сейчас и до конца...*

Улицкий Давид Михайлович:

Я познакомился с Алексеем более тридцати лет тому назад. Первое впечатление не стало обманчивым: очень коммуникабельный человек, дружелюбный. И в то же время напористый, безумно энергичный. Алексей брался абсолютно за все, и, как ни странно, все у него получалось.

В ту пору Алешу знал весь Северный Кавказ, все к нему обращались. Кому делом, кому советом – он никому не отказывал в помощи. И он не из тех, кто забывает друзей – если дружит, то дружит до конца.

Здесь, в Израиле, мы случайно с ним встретились. В Натании функционировал один торговый склад, куда я завозил минеральную воду. Славик, сын Алексея, предложил мне заняться еще и водкой «Бабаевская», которую он выпускал, сам организовал поставку. Причем организовал так, что у нас не было ни предоплат, ни квитанций – ничего! Мы с Алексеем доверяли друг другу безоговорочно – только на честное слово.

И сейчас мы с Алешей очень часто встречаемся. А видят они меня с Валею точно каждый день – я на пляже, прямо под их окнами, по утрам зарядку делаю. Алеша смотрит в бинокль, звонит мне на мобильный: «Ну, ты зарядку свою сделал? Так заходи...»

Людмила Давыдова, сестра:

Я считаю себя счастливым человеком. Родилась в прекрасной семье, бог подарил мне таких великолепных родителей – мне кажется, нет равных им на этой земле.

Самые светлые воспоминания о благородстве, добродушии, щедрости и необыкновенной чуткости отца останутся в моем сердце до конца жизни.

Мама! Сказать, что это был чудесный человек – все равно что не сказать ничего. Мне кажется, всех самых лучших слов на свете не хватит, чтобы описать, что это была за женщина.

Ее рабочий день начинался с рассветом, а заканчивался далеко за полночь. По сей день ни у кого я еще не видела таких белоснежных скатертей, какие были у моей мамочки. Вкладывала всю свою душу во все, что делала. В доме всегда царила такая чистота, что, заходя в квартиру, казалось, что ярко светит солнце.

Сейчас я думаю: боже мой, как у нее хватало сил, энергии, ласки, добра, чтобы окружать всех своей заботой и вниманием. Ведь мало того, что наша семья была многочисленная, так еще и дом у нас всегда был полон гостей. И каждому она находила ласковое слово.

У мамы не было образования, она окончила всего несколько классов. Но по своему развитию и интеллекту могла за пояс заткнуть любого самого образованного человека. Она прекрасно разбиралась буквально во всем, могла поддержать любую

беседу и всегда дать полезный и мудрый совет. Если бы не мудрость мамы, я не представляю себе, как могла бы сложиться моя судьба. Ведь мама всячески постаралась поспособствовать тому, чтобы наш с Вовой брак состоялся, за что сейчас я ей безгранично благодарна.

Нас пятеро было у мамы. Сначала считалось, что больше всех она любит Алика. Потом стали говорить, что и меня тоже...

Но это все неправда. Сама она говорила, что любит всех одинаково – это ведь как пять пальцев на руке, а жалеешь больше тот, который болит. Но мне все-таки кажется, что больше всех она любила Алешу. Он был для нее всем. В нем был смысл ее жизни, и его детям она отдала многие годы и свое здоровье.

Самым большим праздником для мамы всегда был день рождения Алеши – двадцать четвертое января. Задолго и самым тщательным образом она начинала к нему готовиться. Да и все мы в этот день стремились попасть в Кисловодск в родительский дом на самый главный праздник нашей большой семьи. И никакие расстояния не были для нас преградой: Лиза приезжала из Ташкента, Фира – из Пятигорска, я – из Махачкалы. Мы очень радовались каждой поездке, родительский дом как магнит притягивал нас к себе. Дом, где всегда царило добродушие, гостеприимство, нежное отношение и любовь к близким.

Я бесконечно рада, что неимоверный труд, силы и здоровье, вложенные моим братом в дело воспитания своих детей, дали такие результаты. Алеша вырастил прекрасных детей, ими гордится не только он, но и все его родственники. А об Игоре я бы хотела сказать, что, судя по тому, чего он добился в этой жизни, можно считать его не только гордостью семьи, но и гордостью всего нашего народа. Очень многим родственникам он помог устроиться в Москве, оказал им всяческое внимание.

Сейчас мне хочется вспомнить один из таких знаков внимания. Когда Алеше исполнилось семьдесят лет, Игорь решил отметить это событие на берегу Индийского океана, на острове Святого Маврикия. Но на этом сюрпризы не закончились. В тайне от Алеши он организовал и наш приезд (меня и Володи) ко дню рождения, зная, что отцу будет очень приятно. Игорь с Лидой встретили нас, отвели на пляж, где в это время

загорал Алеша. Как же он обрадовался, когда нас увидел! Просто не поверил своим глазам. Те чувства, которые Алеша испытывал в тот момент, я думаю, невозможно передать словами.

Мы прекрасно отметили день рождения, отлично отдохнули, весело провели время. Такой, например, эпизод вспоминается. Мы все сидели в номере у Алеши: Алеша с Игорем играли в нарды – как всегда, игра сопровождалась бурными эмоциями. Я находилась в другой комнате. И вдруг ко мне подходит Катюша, ей тогда было чуть больше трех лет. «Мила, – говорит она мне, – а почему Игорь так громко кричит на моего папу?» Я ей в ответ: «Зачем ты мне это говоришь, скажи ему». Недолго думая, Катя подходит к Игорю и выдает: «Ты зачем так кричишь на моего папу, он что тебе – мальчик?»

Эти слова ребенка вызвали такой взрыв, что Игорь от смеха чуть не свалился с кресла...

Роза Бабаева, жена брата:

Я живу в семье Бабаевых с 1972 года, с тех пор, как вышла замуж за младшего брата Алексея Наумовича – Алика. Семья была большая, и найти свою нишу в ней было не так-то легко. Конечно, главой семьи являлся Алексей Наумович, который есть и был опорой для всей родни. Он помнил все даты, все дни рождения, кто из детей в первый класс идет, кому в институт поступать. На Новый год всю семью старался дома собрать – и все собирались.

В 1973 году родилась наша с Аликом первая дочь Марина, имя которой выбрал Алексей Наумович и мой дед Захар. Вслед за Мариной родилась наша средняя дочь Оля (Ева), которая носит имя бабушки. А в 1977 году появился на свет наш с Аликом долгожданный сын Наум, которого называли в честь дедушки. Прошли годы, дети выросли, получили достойное образование, и сейчас все они успешно работают. И сегодня я могу про себя сказать, что я счастливая мама и бабушка.

Мой сын создал семью. Женится. Его жену зовут Анечка, она из хорошей семьи. Они подарили мне прекрасного внука, который носит имя Алика, своего дедушки.

В нашей семье есть еще очень родной и близкий нам человек – Светочка, дочь Алика от первого брака.

И в жизни Светы Алексей Наумович сыграл важную роль: привез ее в Кисловодск, устроил в институт. Сейчас у Светы замечательная крепкая семья – муж Саша и трое прекрасных детей – Артур, Тимур и Илоночка. Очень жаль, что Алик не дожил до сегодняшних дней, чтобы разделить со мной эту радость и счастье.

Исай Адамов, муж сестры Лизы:

Это уникальный человек: добрый, порядочный. Он никогда не жил для себя, он жил для родственников, для друзей. Вообще для людей. Меня всегда поражало, какой любовью пользовался этот человек – о нем всегда говорили с придыханием: «Алеша Бабаев!»

Для своих родных Алеша сделал все. Достоин сестер выдал замуж, а в то время не так-то легко было по нашим обычаям выдать замуж девушку. Сделал все, чтобы брат Алик женился, чтобы его сын Наум и другие племянники выросли хорошими людьми. Конечно, очень многое для сыновей своих сделал, их успехи – во многом заслуга отца. И мне он сильно помог...

Много лет я руководил общественным питанием Кисловодска. Потом меня посадили. Ни за что, без всякой вины. Просто тогда пришел новый секретарь горкома партии, началась страшная борьба за места...

Я попал в Архангельскую область, в лагерь. Трудился простым рабочим. Начальство увидело, что работаю я добросовестно, меня назначили нарядчиком. И тогда я написал жалобу генеральному прокурору. Всего одно предложение: «Если правда не похоронена, проверьте мое дело» – все, больше ничего.

Наш майор, когда узнал о письме, покрыл меня матом: «Ты что! Ты должен был написать, в чем тебя обвиняют, чем опровергаешь, документы приложить, определение Верховного суда...»

Я говорю: «Вы меня извините, гражданин майор, такие бумажки они получают мешками. А так – может, обратят внимание. Если истребуют – все, я уже дома...»

Истребовали. И я освободился. И этому во многом поспособствовал Алеша. Все время он мне помогал: и в тюрьму при-

езжал, и в лагерь. В самые тяжелые моменты моей жизни он всегда находился рядом. Был как брат мне, как родной человек.

Он и сейчас брат мне. И для меня любая его просьба – закон.

Вообще, если бы меня попросили назвать другого такого человека, я бы не знал что ответить. Другого такого нет. Человека с таким обаянием, такой великой добротой и удивительной порядочностью.

Валентина Бабаева, жена:

В 1994 году мы купили «трешку» на Фрунзенской набережной. Квартира была запущенная, но в сталинском доме: с высокими потолками, огромными окнами и, что самое главное, с большим балконом с видом на Москву-реку.

Алеше всегда нравились объемные помещения, поэтому он решил из трех комнат сделать две, чтобы был большой зал и спальня. Мы поломали все стены и уже начали делать ремонт... Когда вдруг узнали, что у нас будет маленькая.

Решили так: Леша остается в Москве заканчивать ремонт, а я еду рожать в Кисловодск. Просто там были все свои: Роза, Алик, их дети.

Из роддома нас забирали Наум, Марина и Оля. А дома нас уже ждал праздник, устроенный Аликом и Розой. Наум купил кучу игрушек – правда, все они оказались для детей от трех лет.

– Зачем ты такие купил? – спросила Роза. – Ведь Катя совсем еще маленькая.

– Ничего, – ответил Наум, – вырастет, и они пригодятся.

Целый месяц мы с Катей провели в Кисловодске, и все это время я не испытывала никаких трудностей, ведь была среди близких и родных людей. Алик готовил нам вкусные обеды, Роза занималась ребенком, часто навещали свою первую внучку и мои родители. В общем, жила я как на курорте.

А когда Кате исполнился месяц, мы поехали в Москву. Всю дорогу Роза держала Катю на руках, а мы с Наумом были у нее как грузчики – вещей набралось очень много. Дома к нашему приезду готовились: Мила наготовила много вкусных блюд – с ней в этом никто сравниться не может. И вечером мы устроили настоящий праздник.

Несколько месяцев Роза прожила с нами в Москве. Как ни странно, Катя больше тянулась к ней, чем ко мне, будто она ее мама, а не я. Да и не только Катя – все дети чувствовали любовь Розы, у нее есть что-то такое, что притягивает ребенка, какой-то особый подход к детям. Именно Роза научила Катю первым буквам. Она же спустя некоторое время открыла ей и большой секрет – что детей не покупают в «Детском мире», а приносят из родильного дома.

Первый Катин годик мы отмечали в Кисловодске. Девочки, Оля и Марина, наготовили разных сладостей – Марина даже испекла торт, на котором кремом вывела надпись: «Кате 1 год». Алик, мастер по шашлыкам – таких вкусных никто не умеет делать! – пожарил мясо. Поздравляли нас с обеда до поздней ночи...

Помню, когда Кате было годика три, мы возвращались в Москву из Кисловодска на машине. По пути заехали в Тихорецк к Славику. У него там было небольшое подсобное хозяйство: козочки, курочки, собачки, и Кате было чем заняться. То яички у курочек соберет, то к козочке подойдет и молочка теплого попьет. Славик буквально не отходил от Кати и всем хвастался своей сестренкой. Чуть позже, кстати, на своем заводе он начал выпускать минеральную воду, где на этикетках поместил Катину фотографию.

Что я хочу сказать: рожать ребенка в мои годы и видеть такую любовь и ласку со стороны близких – такое никогда не забывается...

СОДЕРЖАНИЕ

Папины сказки	5
Не имей сто рублей	8
Другие 24 часа	9
Слезы Лио	10
Жену украдут – полбеды.. ..	12
Меняю девочку на мальчика!	13
Улица имени дяди Ихиила	15
Пирожные под столом	17
Крепкие орешки	18
Такой уж характер	19
«...Германия вероломно напала...»	21
«Ты не такой умный, но ты счастливый»	22
«Сладкая» жизнь	23
Холодная зима 1943-го	24
Где мои шестнадцать лет	25
Театр одной актрисы	26
Без меня меня женили	28
В Москву!	29
Кавказский пленник	31
Кто потерял документы?	33
Если б я был султан... ..	34
Хлеб всему голова	35
«Простите, но я не мужчина...»	37
Цирк, да и только!	38
Аты-баты – и в солдаты	39
Восемь тысяч на мелкие расходы	40
«Бабаев – разгильдяй!..»	41
Ну настоящий полковник!	43
Тайна за семью печатями	45
Мечь лейтенанта	47
Бери шинель.. ..	49
Восток – дело тонкое	51
Брючный детектив	52
Семь раз отмерь	54
На пути в Кисловодск	56

Палец покажи – руки не будет	58
Безумная ночь в Ленинграде	59
Ушел по-английски	61
«Ах, какая девочка!»	62
Шашлык для «Ивана»	64
Коза Ностра	66
Для меня ранг не важен	69
Роковая ошибка	71
Выйти сухим из воды	73
Обиженная прима	75
Полет нормальный	76
Комедия Эфроса	77
Право руля!	79
Свидетельница ночного происшествия	80
Нежный возраст	82
Золотые медалисты	84
Свадьба под дождем	85
Пятьдесят на пятьдесят	86
Оказывается, я родился летом	88
«Только не уезжай!»	89
Секрет моей мамы	89
Надо меньше пить!	90
Мех сквозь слезы	92
На пороге тысячелетия	93
На родину отцов!	94
Земля обетованная	96
Страна Лимония	97
От болезней всех полезней	99
Пить или не пить	100
Свою береги, соседок трать	101
Как молодой отец, скажу... ..	103
Через пять тысяч лет поговорим... ..	105
И это все о нем!	108

Алексей Бабаев

Путь в Иерусалим

Редактор – Н.Ю. Воронцова

Верстка — И.С. Трипольская

Подписано в печать 26.12.2008 г.

Формат 60х84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7,75.

Тираж 500 экз.

Отпечатано

в ИПО «У Никитских ворот»

121069, Москва,

ул. Большая Никитская, 50/5,

тел. 690-6719

www.uniki.ru

